

85.2 (2702-710м)

П33

Г.А.Пирожников

**ЗАПИСКИ
УЕЗДНОГО
ИСПРАВНИКА**

К 63.3 (2Рос - 4Том
ПЗЗ

Г.А. ПИРОЖНИКОВ

ЗАПИСКИ УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА

2-е издание

03031603 - 8

9000048851

03031603

Б
МХЧБС
Г. СУРГУТ

= - 43 = КР

2002

Северо-Сибирское региональное книжное издательство

Сургут

Серия: XX век. События и личности

1-е издание вышло в 2001 году.

Идея создания книги принадлежит
дочери Г.А. Пирожникова — М.Г. Юминой и краеведу Ф.Я. Показаньеву.

Редактор-составитель

Ф.Я. Показаньев

Издание осуществлено по заказу
администрации города Сургута.

Пирожников Г.А.

ПЗЗ **«Записки уездного исправника». Серия: XX век. События и личности** — 2-е издание, испр. — Сургут: Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 2002. — 104 с., 1 илл.

ББК 63.3(2)2Р53

Судьба Григория Александровича Пирожникова, сургутского уездного исправника, неразрывно связана с историей развития российской глубинки в начале XX столетия.

Известный в Тюменской области краевед Ф.Я. Показаньев в конце XX века, используя архив талантливого земляка, попытался раскрыть белые пятна в истории Сибири.

«Записки уездного исправника» предназначены широкому кругу читателей.

© Северо-Сибирское региональное книжное издательство, оригинал-макет, 2001.

© Северо-Сибирское региональное книжное издательство, оригинал-макет, 2002, с изменениями.

ISBN 5-8260-132-1

© Администрация г.Сургута, 2002.

НАСЛЕДИЕ ИМЕНИТЫХ СУРГУТЯН

Григорий Александрович Пирожников. Флегонт Яковлевич Показаньев. Они такие разные – сургутский уездный исправник начала двадцатого столетия и известный краевед, общественный деятель, писатель, который жил в Сургуте во вторую половину ушедшего века.

Роднит их огромная любовь к России и россиянам, преданность делу и удивительная работоспособность. И Пирожников, и Показаньев знали, во имя чего они живут и трудятся, их активная общественная деятельность на благо народа служит примером для подражания. Потому имена этих именитых сургутян навсегда сохранит история XX века.

Благодаря усилиям Ф.Я.Показаньева в Сургуте появился в 1963 году краеведческий музей. Флегонт Яковлевич стоял у истоков создания городской организации ветеранов войны и труда, собрал полный список погибших в годы войны сургутян, он автор нескольких краеведческих книг.

Работа над архивом Г.А.Пирожникова для Флегонта Яковлевича была достаточно сложной. Во-первых, нужно было систематизировать разрозненные записки человека, который никогда профессионально не занимался ни исследованиями, ни литературным трудом. Во-вторых, необходимо было тщательно проверить факты, цифры, фамилии, встречающиеся в «Записках...», сопоставляя их с официальными архивными данными. И последнее – важно было выбрать форму повествования, которая увлекла бы читателя.

Флегонт Яковлевич был уверен, что имя и деяния исправника Сургутского уезда Григория Александровича Пирожникова обязательно должны быть известны новому поколению сургутян.

Была еще одна мечта у Ф.Я.Показаньева – поставить достойный памятник на могиле уважаемого земляка, который был похоронен на Широкореченском кладбище в Екатеринбурге.

К сожалению, эти мечты не сбылись при жизни Флегонта Яковлевича, хотя за две недели до его смерти, в феврале 1996 года, книга «Записки уездного исправника» была готова к изданию. Дело оставалось за малым – найти средства на типографские услуги и бумагу. Наше издательство к этому времени испытывало серьезные финансовые трудности и не могло самостоятельно, без финансовой поддержки издать книгу.

Только в середине 1999 года после многочисленных обращений в разные инстанции на заседании общественной редакционной комиссии при администрации Сургута было принято решение о выделении бюджетных средств на литературную обработку и создание оригинал-макета книги «Записки уездного исправника» под редакцией Ф.Я.Показаньева.

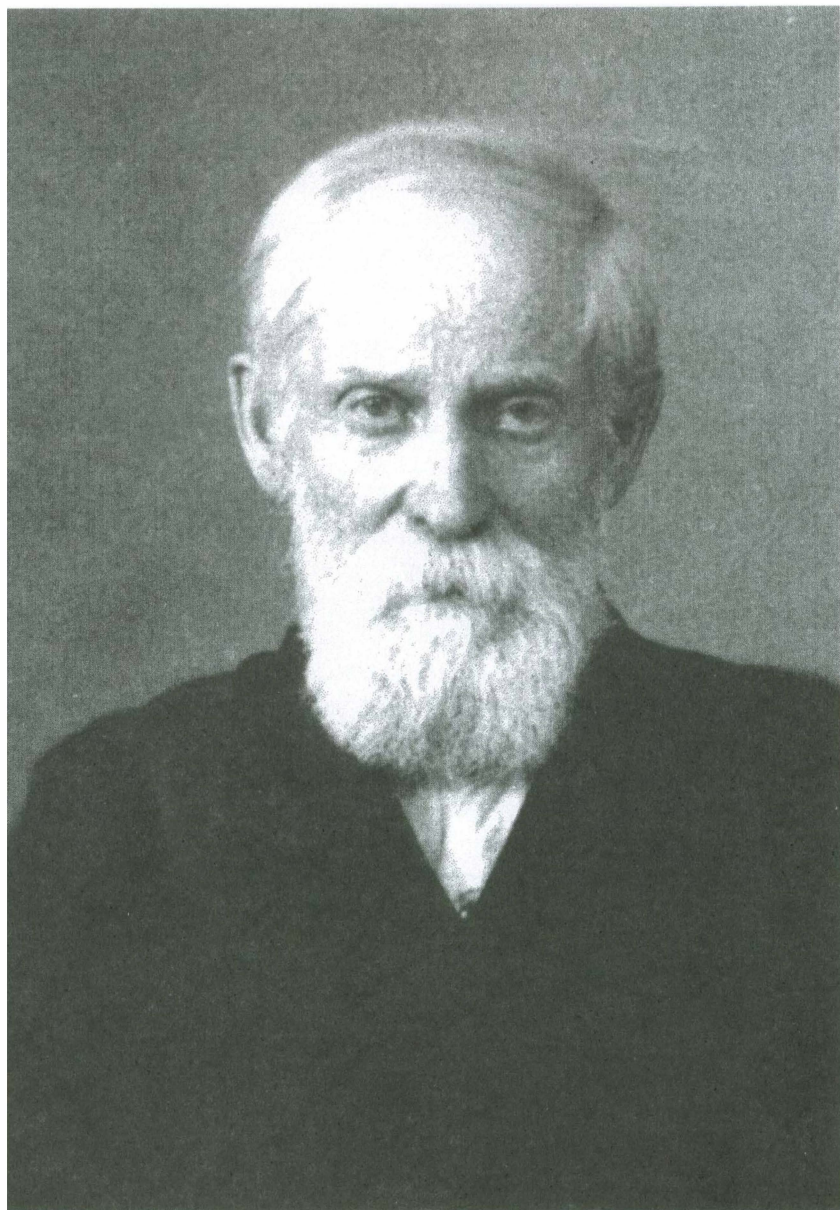
Творческий коллектив издательства, который работал над книгой, все гонорары за свой труд передал на установку памятника на могиле Г.А.Пирожникова в Екатеринбурге. Октябрь 2000 года стал для нас памятным – мы осуществили мечту Ф.Я.Показаньева, отдав дань уважения творческому наследию этого человека и памяти Г.А.Пирожникова.

В декабре 2001 года, благодаря руководителям учреждений культуры округа, поддержавшим наше издательство, председателю департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа А.В.Коневу и директору Государственного музея Природы и Человека Л.В.Степановой, вышел в свет историко-краеведческий сборник «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский Север». А в январе 2002 года, в год 80-летия со дня рождения Ф.Я.Показаньева, администрация города Сургута выделила средства на издание книги «Записки уездного исправника», которую Вы держите в руках.

**Лилия Цареградская,
директор Северо-Сибирского
регионального книжного издательства.
г. Сургут.**

**ГРИГОРИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПИРОЖНИКОВ**

**ЗАПИСКИ
УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА**

Г.А.Пирожников. 1962 год.
г.Екатеринбург.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВА ПИРОЖНИКОВА

От редактора-составителя

Григорий Александрович Пирожников, сургутский уездный исправник, высший представитель государственной власти в уезде от Министерства внутренних дел Российской империи. Оценка его личности давалась однозначно: либеральный чиновник, но не просто попустительствующий вольнодумию, а практический, деловой человек, проявляющий заботу о нуждах населения и инициативу в интересах развития края.

Я захотел встретиться с ним. Узнал адрес в Свердловске, где он в это время жил. Завязал переписку. Но только в 1963 году представилась возможность выехать в Свердловск. Однако я не застал Пирожникова в живых. Состоялась встреча с его дочерью Марией Григорьевной Юминой, которая для меня оказалась очень полезной.

Мария Григорьевна передала мне сохранившиеся в семье некоторые документы, черновые наброски рапортов, донесений, ходатайств, просьб.

Материалы Пирожникова проливают свет на его незаурядную личность, характеризуют как государственного и общественного деятеля, способствующего развитию образования и науки, торговли и промыслов, поддерживающего связь с учебными и научными учреждениями Томска, Тобольска, Омска, Архангельска, даже Парижа.

Г.А.Пирожников родился 4 августа 1869 года в слободе Устьница Тюменского уезда Тобольской губернии. В Сургуте он служил исправником с 1903 года, сменив на этом посту ш-

роко известного в свое время Иринарха Владимировича Евсеева, переведенного в Березовский уезд.

После упразднения должности исправника Пирожников работал уполномоченным Министерства снабжения и продовольствия по Сургутскому уезду.

К советской власти он относился лояльно. В 1920-1922 годах служил в ревкоме секретарем, членом комитета по труду и продовольственного комитета. Обязанности исполнял добросовестно. По отзывам граждан, бывших политических ссыльных и первых советских работников, характеризуется положительно.

С декабря 1922 года по апрель 1924 года Пирожников служил делопроизводителем Обь-Иртышского госрыбтреста в городе Тюмени.

Однако наибольшее признание и уважение северян он получил все-таки будучи исправником в Сургуте в начале XX века.

Г.А.Пирожников был действительным членом Архангельского Общества изучения Русского Севера, членом Тобольского губернского музея.

За оказание практической помощи профессору Томского университета С.М.Чугунову и заинтересованность в проведении научных исследований в Сургутском уезде, за коллекцию шкур и других экспонатов для зоологического кабинета Пирожников имел благодарность лично от ректора Томского университета.

Сохранилось благодарственное письмо Парижского Географического Общества за посылку экспонатов в Париж и оказание помощи французскому ученому и путешественнику Полю Лаббе во время всей работы в Сургутском уезде. Парижское Общество ставило вопрос о награждении Пирожникова французским орденом, который, наверное, затерялся в петербургских канцеляриях.

В бытность исправником Пирожников, в силу своих прав, обязанностей и возможностей, способствовал развитию образования детей инородцев, сселению и оседанию кочевников в приобских деревнях, которых ко времени установления советской власти в пределах уезда от села Александровского до села Сытомино насчитывалось несколько десятков. Инородцы воспринимали и усваивали русский образ жизни, строили дома, держали лошадей, коров, овец, приобщались к огородничеству.

Для выполнения некоторых заказов по строящимся избам Пирожников заключал договоры с иногородними мастерами.

5 апреля 1912 года он заключил соглашение с крестьянином Тюменского уезда Прокопием Васильевичем Аксариним на поделку пятидесяти оконных рам с вставкой в них стекло и покраской белой краской из материала подрядчика по 90 копеек за раму на сумму 45 рублей.

30 мая 1912 года крестьяне Пермской губернии Осинского уезда Семен Андреевич Мальгин и Евстафий Николаевич Куимов подрядились из своего материала сто оконных рам с вставкой стекло и покраской белой масляной краской по цене 60 копеек за раму.

Оба соглашения, как было оговорено в обязательствах сторон, «свято и ненарушимо выполнены».

Пирожников на казенный счет содержал школу и несколько учеников-ханты в селе Ларьякском, о чем красноречиво говорят документы и многочисленные счета торговцев и портных на продажу и пошив детской одежды для учеников Ларьякской школы.

Пирожников проявлял постоянную заботу и большую настойчивость в развитии средств связи в уезде. В отчете за 1911 год он писал: «В интересах оживления края, подъема торгово-промышленной жизни и приобщения его к культурно-экономическому росту давно уже является необходимость в проведении телеграфа от Самарово до Сургута на протяжении 250 верст».

Далее следует детальное обоснование этой необходимости. В качестве главных аргументов он называет постепенное освобождение инородцев из-под зависимости от местных торговцев в результате возникновения конкуренции, притока нового капитала, привлечения заготовителей из других мест. Пирожников давал оперативную информацию о промысловой обстановке, о добыче рыбы и пушного зверя, о ценах на местные и привозные товары, настаивал на ускорении открытия в Сургуте казначейства или конторы мелкого кредита, подчеркивал громадную роль телеграфно-телефонной связи в пароходном сообщении, оказании своевременной помощи пароходам, терпящим бедствие на Оби от бурь и мелководья.

Приводятся им такие примеры. У пристани Лямино утонул пароход Плотникова «Ермак» с пассажирами. У Александровс-

кой пристани затонул пароход «Дельфин» Западно-Сибирского товарищества, не получив помощи от других пароходов из-за отсутствия связи между пристанями.

Все несчастья Севера Пирожников видел, главным образом, в разобщенности, оторванности от всего остального мира, в отсутствии связи.

Настойчивые хлопоты увенчались успехом. 10 ноября 1913 года телеграфист Шишкин принял первые телеграммы на имя Пирожникова. Из Тюмени: «Приветствую энергичного инициатора прорубленным окном Сургу́та к свету. Швецов». Из Тобольска: «Сердечно благодарю за память и внимание близких мне северян, радуясь осуществлению их давнишнего желания. Дунин-Горкавич».

13 ноября была получена телеграмма и от бывшего начальника губернии Гондатти, побывавшего в Сургуте в 1908 году: «Сердечно благодарю Вас, городского старшину, граждан города, представителей ведомств за память и приветы, которые мне дороги.

Радуюсь, что наконец-то наступило давно желанное оживление. Теперь далекая сибирская окраина соединена телеграфом с общей имперской сетью. Уверен, что это послужит развитию города, которому искренне желаю дальнейшего процветания. Почетный гражданин Гондатти».

Пирожников заботился о развитии здравоохранения, боролся с пьянством среди русского населения и аборигенов. Он искал, предлагал, практиковал, разочаровывался и вновь искал пути и средства борьбы с пьянством. Одно время видел это средство во введении казенной винной монополии, но убеждался в обратном, когда получалось, что наряду с казенной торговлей процветала частная торговля, контрабанда, шинкарство.

Как энтузиаст Севера, Пирожников принял пылкое участие в подготовке и проведении Омской торгово-промышленной и сельскохозяйственной выставки в 1911 году.

Велика заслуга Пирожникова в организации продовольственного дела. В заявлении съезду Советов Сургутского уезда 15 июля 1920 года он пишет: «Позвольте объяснить вам, товарищи, что продовольственным делом в здешнем уезде я заведовал в течение пятнадцати лет. Я вынес на своих плечах всю тяготу по продовольствию во все время войны и даже не бросил

этого дела в такой критический момент, как прошлогодняя эвакуация колчаковской власти, когда большинство служащих подготавливались к бегству, а я, оставив свою семью на произвол судьбы, поехал в Томск за хлебом, доставил и на этот раз необходимые на зиму запасы, развез по хлебозапасным магазинам и сберег все имеющиеся у меня продукты и денежные суммы до занятия территории Сургутского уезда советской властью. Сдал в целости и сохранности как продукты, так и остальное имущество с деньгами и документами, которых было на сумму более двадцати миллионов рублей».

В отчете съезду, который Пирожников по собственной инициативе решил сделать, он пишет: «Ввиду съезда в Сургуте делегатов населения Сургутского уезда для обсуждения своих нужд считаю необходимым доложить исполнительному комитету для осведомления этих делегатов краткие сведения о своей деятельности по продовольственному делу во время службы моей в должности исправника... Мною заготовлено было всего муки 504920 пудов, причем предоставляю делегатам решить, кому обязано население Сургутского уезда тем, что оно избегало голодовок за данный период времени в годы стихийных бедствий..., недостатка кормов для скота и отсутствия муки у частных торговцев...»

Хотя хлебозапасные магазины учреждались исключительно для снабжения национального населения, однако, как пишет Пирожников, «в этих магазинах покупало продовольствие и русское население, что происходило благодаря тому, что мною делались настолько значительные запасы хлеба, что получались излишки от удовлетворения инородцев, и я находил возможным снабжать мукою из этих излишков нуждающееся русское население, главным образом солдатские семьи, проживающие в городе и уезде».

При этом цены на муку, которые приводит Пирожников, были ниже, чем в соседних уездах и городах Тобольске, Томске, Тюмени. Например, в 1912 году цена на ржаную муку в Сургуте всю зиму держалась 1 руб. 30 коп. за пуд, а в Тобольске же доходила до 1 руб. 70 коп. В зиму 1916-1917 годов было продано излишков около 7 тысяч пудов по цене 1 руб. 87 коп. В то время в земледельческих уездах и на главных рынках Тюмени, Томска, Тобольска цена на ржаную муку была 2 руб. 70 коп., а в Самаровской волости и на рынке доходила до 3 рублей.

При хлебозапасных магазинах смотрителями и продавцами состояли вахтеры, коим полагалось жалование 200 рублей в год. Пирожников еще в 1908 году выступил с предложением об увеличении жалования вахтерам Угутского и Охтеурьевского магазинов до 260 рублей, а Ларьякского – до 300 рублей.

Кроме обязанностей исправника, Пирожников исполнял функции крестьянского начальника, заведовал шестью волостями: одной русской и пятью инородческими, девятью хлебозапасными магазинами. Состоял председателем уездного Комитета общественного здоровья, совета Сургутской инородческой больницы, уездного Комитета попечительства о народной трезвости, уездного Комитета Красного Креста, уездного Комитета по оказанию помощи семьям воинов, больным и раненым воинам.

Этот человек оставил не только хорошую о себе память, но и творческое наследие.

«Записки...» – это плод наблюдений, раздумий и выводов человека, хорошо знавшего Север. Многие Пирожников видел сам, был организатором, участником или свидетелем событий. Много читал, изучал, слышал, встречался с интересными людьми, учеными, государственными и общественными деятелями.

Читатель найдет в книге краткое описание Тобольского Севера: природы, истории, образа жизни, занятий, промыслов, ремесел, обычаев, верований народов Севера, рассказ о путешествиях и экспедициях в Западную Сибирь российских и европейских ученых, общественных деятелей, предпринимателей, описание экспонатов и место Севера на Омской выставке 1911 года. Дается взгляд на судьбы аборигенов, причины их вымирания, и раскрывается поиск путей их цивилизованного развития, просвещения, оздоровления, культурного совершенствования.

Здесь же читатель найдет неизвестные факты из древних архивных документов о жизни сибирских городов и их обитателей.

КТО ЖИВЕТ В ЮГРЕ

О населении

Этнографический состав населения – это русские и туземцы: ханты, манси, ненцы, коми.

Русское население состояло в основном из городского, значительной части бывших казаков Сургутской и Березовской казачьих команд, упраздненных в 1881 году. Казаки были обращены в мещан, а в городах Сургут и Березово введено упрощенное городское положение.

В уездах Сургутском и Березовском, кроме туземцев, или инородцев, как их тогда называли, жили русские крестьяне, приписанные к волостям и сельским обществам, частью из того же казачества, а главным образом из пришлого населения, переселившегося сюда в разное время из других местностей. Большинство этих людей поселилось самовольно с захватом рыболовных и охотничьих угодий туземцев. Лишь немногие пользовались этими угодьями на правах аренды, и то за ничтожную плату, а впоследствии как своими собственными.

Ханты, манси и коми относятся к финскому племени. Некоторые ученые относят ненцев к алтайскому племени.

В русских летописях местность, населенная народами ханты и манси, называлась Югорской землей, а народы – юграми. Югры были многочисленным и воинственным племенем, часто воевали с татарами и новгородскими дружинами, проникавшими сюда первоначально на промысел пушнины, а потом для обложения югров данью. Часто югры в этих столкновениях выходили победителями, особенно отличались вогулы-манси. С 1264 года Югорская земля, как волость, подчинялась Великому Новгороду, а в царствование Ивана Васильевича IV вошла в состав Московского государства.

Ханты делятся на кочующих и оседлых. Оседлые проживают по Оби от границы Нарымского края (юрты Мурасовы Лумпокольской – Александровской управы) до Березова. Проживающие по Оби от Березова до Обдорска считались полуоседлыми. Кочующие обитали в Сургутском уезде по рекам Югану, Балыку, Салыму, Тром-Агану, Агану, Пиму, Лямину, Куль-Егану, Ваху, а также по многочисленным рекам Березовского уезда.

Манси населяют зону высокоствольных лесов по рекам Конде, Сосьве и Ляпину в западной части Березовского уезда.

Ненцы населяют полярную зону Обдории и полуострова Ямал (каменные самоеды), междуречье низовьев Оби и Таза (низовые самоеды), южную часть Березовского и северную часть Сургутского уездов (лесные самоеды). Все ненцы – оленеводы-кочевники и охотники. Вспомогательным промыслом является рыболовство.

На водоразделе рек Таза и Ваха, где в половодье можно проникнуть из Ваха в Таз, среди сургутских ханты-олeneводоов обитает группа тунгусов-звероловов, причисленных к соседнему Туруханскому краю. Они иногда наезжают в село Ларьякское в декабре на ярмарку с пушниной.

В бывшем Сургутском уезде в низовьях рек Югана, Балыка, Салыма и Ваха и по реке Оби в Лумпокольской, Локозовской и Тундринской волостях, а также в Березовском уезде в местностях, прилегающих к Оби от села Сухоруковского до Березова, ханты занимались рыболовством и охотой, держали лошадей, домашний скот. В остальных местностях по притокам Оби ханты имели оленей. Оленеводство – главный источник их существования. Олени дают пищу, одежду, жилы, служат главным транспортным средством.

В районе Обдорска, на Ямале, оленеводы кочевали с многочисленными стадами, до 5 тысяч голов и более. Но в других местностях было много бедноты. По реке Вах Сургутского уезда ханты имели по 3-5 оленей, были и совсем обездоленные. Все хозяйство таких бедняков состояло из одних собак, служивших средством передвижения. Такое же положение существовало и по реке Югану. Иногда в безрыбные зимы даже собаки пропадали с голоду и беднякам самим приходилось тащить нарты за 2000 и более верст до хлебозапасного магазина и обратно. Одноюртники, имеющие оленей, на этом наживались. Подряжаясь возить муку, они брали по 5 и более белок за каждый пуд. Таким образом, мука беднякам обходилась вдвое дороже.

Многие ханты, жившие по реке Оби от Нарымского края до Березова, обрусели: говорили по-русски, носили одежду русского покроя, зипуны разноцветной байки, подшиваемые на зимнее время разными мехами.

В остальных местностях зимняя одежда ханты большей частью меховая. Малица – вроде длинной широкой рубахи из оленьего меха шерстью внутрь, с головным убором – капюшоном или капором шерстью наружу, с пришитыми рукавицами. В сильные морозы поверх малицы надевается «гусь» такого же покроя, только шерстью наружу. Вместо «гуся» поверх малицы иногда надевается «парка» такого же покроя, но более легкая – из тонких оленьих шкур.

Кроме означенной одежды, был еще особый женский костюм, называемый «ягушка», сшиваемый из шкур молодого оленя «пешки» с полами вроде пальто, с завязками вместо пуговиц, с меховым воротником и пришитыми рукавицами из оленьих лап.

Существовала еще мужская верхняя одежда – «колег» и «кумыш». Колег – зимняя меховая одежда шерстью наружу с полами и завязками. Кумыш – летняя верхняя одежда вроде малицы из сукна или байки.

Женщины летом носили платки или легкие цветные шали, зимой – меховые шапки из шкур оленя, выдры и других зверей, из птичьего пуха, гагарьих шеек, с различными металлическими подвесками и украшениями.

Зимняя обувь – «кисы», сшиваемые полосками из шкуры с ног оленя, с подошвой из шкуры со лба оленя и меховые чулки шерстью внутрь, называемые «чижи». Была еще обувь, называемая «ноговицы», перед и подошвы которых сшивались из шкуры со лба оленя шерстью внутрь, а голенища – из сукна или оленьей кожи.

В прежние времена для нижней одежды производилось тканье холста из волокна крапивы, которое ныне заброшено, и лишь в редких случаях из крапивной пряжи плетутся рыболовные сети.

В некоторых зажиточных семьях Тундринской управы Сургутского уезда встречалась красивая одежда женщин-ханты: красный халат, вышитый бисером; меховой халат из гагарьих шеек, покрытый зеленого цвета байкой, убранный бисером; халат, обшитый по подолу шкурой выдры. Такая одежда приобретена была в 1910 году и представлена на Омской сельскохозяйственной выставке в 1911 году.

Манси и ненцы носили в основном такую же одежду, как и хан-

ты. В специфических климатических и прочих неблагоприятных природных условиях люди не могли изобрести другую. Надо отметить только, что ненцы одежду и обувь носили на голом теле.

Обитающие в бассейне Ваха ханты считались беднейшими из всего инородческого населения Севера. Там встречались семьи полунагие, не имеющие никакой одежды, кроме штанов из налимьей кожи, в рубищах, едва прикрывавших грязное тело, босые. Единственным источником существования являлся промысел белки. За неимением у некоторых охотников оленей или малочисленностью их и невозможностью по этой причине белкования в дальних лучших лесах, добыча белки в отдельные годы была весьма малой. Бедственное положение этих охотников усугублялось очень низкими ценами на белку, существовавшими в течение нескольких лет. К тому же пушнина, поставляемая в ясак, продавалась на Тобольской ярмарке, где цены были ниже не только, чем на Ирбитской ярмарке, но даже ниже местных. Так, в 1897 году партия беличьих шкур в 33177 штук продана в Тобольске по 10,5 коп., а в Сургуте была по 13-14 коп. В 1898 году 23320 штук проданы в Тобольске по 10,75 коп., на месте цена была по 15-17 коп. В 1899 году 25518 штук проданы там же по 11,25 коп., местная же цена была 13-15 коп. В 1904 году партия в 43219 штук продана в Тобольске (и то со вторых торгов) по 11,25 коп., а цена в Сургуте держалась 14-15 копеек.

Такие убыточные операции с продажей шкур породили недоверие к этой системе со стороны промысловиков и привели к уменьшению сдачи шкур в податные повинности.

Но в последующие годы доходность от охотничьего промысла стала увеличиваться в связи с повышением розничных цен на пушнину. В 1910 году промысел оказался настолько хорошим, можно сказать небывалым, что один человек добывал за сезон до 1000 штук белок, и цена на нее на зимней и весенней Ларьякских ярмарках Сургутского уезда доходила до 43 коп. за штуку. Благодаря высоким ценам в 1909 и 1910 годах положение ваховских промысловиков, несмотря на изощренный обман торговцев, улучшилось. Многие охотники выручили довольно крупные суммы денег и стали покупать исправную русскую одежду, сапоги, дорогие шали, часы, предметы домашнего обихода.

Кроме ханты, манси и ненцев, по рекам Сосьве и Ляпину, в селах Сартыннинском, Щекурынском, Обдорске, Мужах, в городе Березове и других местах жили зыряне-ижемцы (*коми, пере-*

селившиеся сюда в давние годы из Печерского края Архангельской губернии. – Ф.П.).

Одежда у зырян русского покроя, за исключением зимней. Зимняя малица обычной формы, только капюшон вокруг лица обшит белым мехом. По этому признаку сразу видно: идет зырянин. Женщины носили красные сарафаны и яркие красные платки.

В 1895 году Тобольской губернской администрацией было назначено выселение зырян за пределы Березовского уезда ввиду усилившейся эксплуатации местных туземцев, захвата пастбищных угодий, угона оленей, но мероприятие это тогда не получило осуществления из-за отмены его правительством.

Жилищем ханты служили бревенчатые избы-полуземлянки без пола и потолка, покрытые старой травой, берестой и землей. В окно вставлялась льдина, при входе в углу избышки помещался очаг, чувал. В некоторых таких жилищах ютились по 2-3 семьи. Ели из одной посуды (куженька, корыто) руками прямо на полу или на нарах. Так же и умывались – из одной посуды одной водой.

В такой обстановке, в антисанитарных условиях, жили ханты по рекам Ваху, Пиму, Тром-Агану, Югану Сургутского уезда и в нижнем течении реки Оби. *(Старожилы села Локосово помнят такие полуземлянки, вырытые на берегу реки, в начале XX века. Эти рассказы я записал со слов Ивана Кирилловича Коротаева и Александра Егоровича Кондакова 16 октября 1965 г. – Ф.П.).*

С начала девятисотых годов экономическое положение аборигенов стало улучшаться, появилось стремление к оседлому образу жизни, к строительству изб русского типа. *(Этот факт подтверждают в своих рассказах вышеупомянутые жители села Локосово. – Ф.П.).* С 1905 по 1910 год по Ваху построено 40 изб. В Тундринской волости с 1900 по 1911 год – 91 изба, в Юганской – 40, в Локосовской – 39, хотя никакой помощи со стороны правительства оказано не было.

Летнее жилище ханты и манси – шалаш, крытый берестой, балаган. Жилищем ненцев служит чум конусообразной формы, покрытый зимой шкурами оленя, летом – берестой. В верхней части чума – отверстие для выхода дыма.

Примитивный образ жизни туземцев показывался в Москве. Для этой цели была направлена семья ханты – двое мужчин и одна женщина с грудным ребенком. Поместили их в зоологическом саду. Сами они построили бревенчатую избышку со льдиной

в окне. Были привезены зыряне с оленями, которые жили в юрте, и собаки для катания на санях.

Кроме упомянутых народностей, в Тобольском уезде в верховьях Большого Туртаса обитала группа тунгусов (племя монгольского типа). По характеру быта они сходны с ханты и ненцами. Занимались в основном звероловством.

Питались туземцы рыбой и мясом в вареном, жареном, сушеном, вяленом и сыром виде. Лепешки из муки пекли в золе или на палочках у огня. Суррогатами пищи являлись толченая березовая кора в смеси с толченым орехом, листья малины и смородины вместо чая, коренья водяных растений и др. *(В первой половине 30-х годов из-за недостатка полноценных продуктов питания наша семья и некоторые другие ели лепешки из березовой коры с добавлением небольшого количества муки. – Ф.П.).*

Тазовские тунгусы не употребляли в пищу мясо рабочих оленей, считая их нечистыми потому, что они поедают всевозможные отбросы и человеческие нечистоты. Съедобным считали мясо вольного оленя.

Со второго сказания будем называть туземцев так, как они назывались в описываемое время: остяки, вогулы, зыряне, самоеды.

Идолы и боги

Хотя большинство ханты и манси считались христианами, но шаманизм по-прежнему играл важную роль в их жизни. Ежегодно в декабре ханты толпами ходили по русским селениям, разыскивая продажных лошадей и жеребят непременно белой масти для жертвоприношения своим божествам. (Возможно, этот обычай перешел от древнейших народов, которым югры обязаны своим происхождением. Но так как не всегда представлялась возможность найти белую лошадь, ее постепенно заменили оленем. Возможно также, что кладбище конских костей на Барсовом городище под Сургутом есть не что иное, как свалка костей от приносимых в жертву лошадей.).

Празднество в честь богов сопровождалось пением и дикими криками шамана, ударами колотушки в бубен. В это время закалывали лошадь или оленя, пили кровь, съедали мясо. По окончании пиршества на месте, где проходило это священнодействие, на большом дереве развешивали рога оленя или шкуру

лошади, куски материи, тесемки, платки и т.д. В самых глухих труднодоступных местах ханты устраивали капища, где хранили своих идолов. Здесь же делали им «приклады» (приношения) в виде шкур ценных зверей, денег, материи, украшений и пр.

Кроме поклонения лесным духам, их умиловивления, ханты приносили жертву водяному духу, стараясь его задобрить, тем самым заручиться хорошим уловом рыбы. С этой целью угощали водяного духа водкой, т.е. лили ее в прорубь.

Верховным божеством туземцев является Торум, или Торым. Рангом ниже стоял бог Мастерко. Были и другие божества местного значения. Они описаны многими исследователями. В результате крещения у ханты и манси появился еще один большой бог: Никола-Торум, или Торум-Никола, или Нум-Торум-Никола (Святой Николай Мирликийский). Иконы Николая Мирликийского имелись тогда во многих юртах. *(Еще в 1960 году я лично встречал почерневшие от дыма иконы «русского бога» Святого Николая в юртах по реке Югану Сургутского района. – Ф.П.).* Туземцы боготворили Нум-Торум-Николу, отзываясь о нем: «Давно знам велик бог русской, святой человек Никола. Самоедам шибко помогают». *(«Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 году Григорием Новицким». – Ф.П.).*

Г.Новицкий описал и другие божества, почитавшиеся в то время «во всей остяцкой стране». Один из них – Старик Обский, обитавший на устье Иртыша «недалече Самарова града». Другой боготворимый идол Гусс «изваян из меди и подобие гуся, име скверное жилище в юртах Белогорских при великой реке Оби». Там же в одной кумирне с гусем был «первоначальный и паче всех настоящий Кумир».

Идолские капища в окрестностях села Троицкого с древних времен привлекали на поклонение массу туземцев со всего Севера подобно паломничеству мусульман в священный город Мекку.

Для жертвоприношения купались в русских селениях, кроме белых лошадей и жеребят, также и белые петухи, при закалывании которых паломники пили их кровь как священную.

Кроме идолов, белых лошадей и петухов, в особом почете был медведь, в честь которого устраивались медвежьи праздники. В ритуал праздника входило целование медвежьей лапы с приговариванием: «Задери меня, медведь, если я скажу неправду». Ханты считали, что за нарушение клятвы Торум шлет на людей

суровые наказания. Однако медвежьи праздники в разных местах имели свои особенности.

Такой праздник удалось наблюдать автору в юртах Сухорук-овских в южной части Березовского уезда, где перед разостланной в переднем углу избы шкурой медведя плясали женщины с закрытыми лицами, в рукавицах, похлопывая ими, как хлопают в ладоши. Тут же сидел музыкант, играющий на инструменте, называемом «лебедем».

Уникальные экспонаты религиозного культа ханты представлены в этнографических отделах Тобольского и Свердловского музеев.

В религиозной обрядности ханты имеет значение символическое число семь. Во время жертвоприношений число убитых оленей должно быть не более и не менее семи.

В.Бартенев в «Очерках Обдорского края» описывает священное место и праздник, на который каждую осень съезжалось семь родов, и праздник длился семь дней кряду.

В 1857 году в «Тобольских губернских ведомостях» №22 описан ежегодно проводимый праздник с жертвоприношением главному богу Мастерку вблизи села Троицкого, продолжавшийся семь ночей.

Иногда на праздниках певец для большего воодушевления и возбуждения съедал семь мухоморов.

По мифологии ханты, весь мир состоит из семи светов (сфер). В самом высшем свете пребывал всевидящий, всезнающий Торум. В остальных до второго жили низшие боги, полубоги. Во втором свете жили ханты, жили плохо, несли тяготы, терпели нужду, бедность, обиды, напрасно искали правду. (И.Поляков. «Живописная Россия», т. II, стр. 79, 1885 г.).

Тобольский митрополит Филофей Лещинский проводил массовое крещение туземцев. В период с 1712 по 1718 годы при помощи воеводской администрации окрещено до 40 тысяч человек. Некоторые туземцы отказывались от крещения, укрывались бегством. Так, из юрт Мало-Атлымских 30 человек, несогласных на крещение, бежали за Обдорск в юрты Аксарка. Некоторые открыто с оружием выступали против насильственного обращения в христианство, стреляли в Лещинского и его спутников из ружей и луков.

Окрестившихся ханты ненцы преследовали, нападали, грабили и убивали, трупы калечили, кресты с убитых снимали, привязывали к шесту-хорею, а иконы волочили на веревке за нартой.

С целью охраны крещеных ясачных ханты от ненцев, от «воровской самоеды», как означено в распоряжении Березовского воеводы от 25 сентября 1761 года, укреплялся Обдорск, куда посылались вооруженные казаки.

Ханты верили в загробную жизнь, поэтому с покойником в могилу и на нее клали промысловые орудия и снасти, домашние вещи, съестные припасы. По их верованиям, на том свете будет хорошая жизнь, много оленей, хлеба и жира, все будут жить в больших теплых домах, как русские тюрьмы-остроги.

Крестили не только детей, но и взрослых. В селе Ларьякском Сургутского уезда был такой случай. Приехали венчаться тазовские туземцы, и оказалось, что невеста 16-17 лет не крещена. Священнику долго пришлось уговаривать ее раздеться для крещения. Она, стыдась, отказывалась, потом согласилась, разделась, окрестилась, и тотчас же от купели под венец.

Сургутские священники крестили инородцев постоянно. В 90-е годы прошлого столетия здесь существовала духовная миссия, но она не оправдала надежд, расходы на содержание оказались бесполезными, и ее закрыли. Много лет миссия была в Обдорске, но деятельность ее в распространении христианства среди язычников признана малоуспешной, и она также была закрыта.

Крещеные туземцы оставались при своих языческих воззрениях, а их жизнь отличалась иногда еще большей безнравственностью: пьянством, воровством, обманом и т.п. Об отношении туземцев к крещению и христианству говорят, например, такие случаи: крещеного ненца его сородичи избрали шаманом.

Однажды женщина пожаловалась миссионеру на своего мужа за то, что он, будучи крещеным, привел в юрту вторую жену, да еще и шаманством занимается. Прибывший в юрты миссионер с проповедью стал упрекать мужа жалобщицы за дурное поведение: «Ты крещеный, разве не знаешь, что закон не позволяет иметь больше одной жены?» «У нас можно», – ответил ханты. «Как это так, у нас можно? Ты кто? Ты православный, не язычник, а занимаешься шаманством. Это разве полагается христианам?» Ханты молча выслушал увещевания священника и сказал: «Вот что, батька, я тебе скажу: я к тебе в Обдорск не езжу, в твои дела не мешаюсь, ну и ты ко мне не езд и в мои дела не мешайся». Затем он встал и ушел.

Или такой пример. Новокрещеный ненец в бытность язычни-

ком всегда аккуратно платил долги, когда же окрестился, то перестал платить. Ему и говорят – «Что же это ты раньше был такой честный, теперь мошенничаешь, а еще крещеный?» Ответает ненец: «Что ж, я теперь такой же крещеный, как и вы русские, ну и мошенничаю так же, как и вы все тут мошенничаете».

Преступления и наказания

Хочу рассказать о том, как осуществлялся суд над провинившимися перед обществом. Местная юриспруденция была крайне упрощенной. Маловажные проступки рассматривались и разрешались старейшинами, родовыми управлениями и законами о туземцах. Суд был словесным, но в Локосовской управе Сургутского уезда суд родовой расправы производился письменно, все решения родовых старост записывались в особые постановления. Налагался арест от трех суток до полутора месяцев содержания в катажной камере.

По сведениям этой управы, с 1905 по 1908 год рассмотрены следующие дела. Подвергнуты аресту на трое суток с содержанием в катажной камере при управе: юрт Тарховых Алексей Тархов за кражу 26 рублей у Михаила Натускина; юрт Ликрисовых Александр Юсопин за незаконное сожительство; юрт Пылиных Степан Пылин за незаконное сожительство; Марк Тюмкин за побег с работы; Василий Гиндин за кражу денег у Петра Сыколова; Федор Алтымов за нанесение ран в драке Спиридону Чалтымову; Алексей Пылин за побег с работы от содержателя земской гоньбы Бабанина; Сидор Айпин за побег с работы от Позевого. На семь суток арестованы юрт Качесовых Иван Качесов за кражу ведра вина и мешка с хлебом у Трофима Сыколова и Осип Пылин за кражу 40 руб. у Ивана Пылина. На полтора месяца подвергнут аресту Дмитрий Курломкин за выстрел из ружья в жилию юрту Николая Муколчина.

В некоторых управах наказание за маловажные проступки заменялось платой в пользу пострадавшего или обиженного. За кражу случались наказания розгами, а еще чаще очистительным присяганием на морде медведя или клятвой: «Если я виновен, то пусть меня съест зверь».

Существовало и такое наказание, как битье виновного по щекам и испрашивание прощения с поклонами в ноги обиженному или оскорбленному.

А.И.Якобий, исследователь жизни и быта туземцев Сибири, в докладе в Тобольском музее о результатах работы упоминает о сохранившейся еще в то время на Казыме особой форме покаяния под топором, висящим на веревке вверх лезвием. Провинившийся тихо раскачивает топор и так же тихо поет под ним старинную священную формулу. Якобий утверждает: «Я имел случай видеть это и записал со слов поющего священную формулу».

По свидетельству Якобия, на Казыме существовал еще и особый обряд прощения виновного через землепоклонение: обиженный прощает виновного и в знак этого слегка проводит рукой по спине обидчика крестообразно.

В более важных случаях, когда требуется клятвенное удостоверение, ставят посудину с водой, а обвиняемый и пострадавший говорят: «Если кто виноват из нас – пусть вода возьмет того». Потом по очереди берут нож и режут воду крестообразно.

За тяжелые проступки виновные по приговору окружных судов подвергались тюремному заключению, хотя некоторые из них мало боялись тюрьмы. Был такой случай: обнаружилась кража вещей у проезжающего пассажира на станции земской гоньбы (постоялый двор), и когда стали говорить остяку, совершившему кражу, что его увезут в Тобольск и посадят в тюрьму, он ответил: «Чо пужаешь меня, вот Сенька был, сказыват, там нас уважают, дают кашу с маслом и табак дают курить».

Туземцы мало боялись тюрьмы, потому что там их содержали в тепле, кормили, давали одежду, а это лучше, чем отбывать очередную повинность по земской гоньбе или сидеть дома в убогой, темной, холодной юрте и грызть мороженую рыбу или вообще быть голодным.

За неуплату ясака, кроме отдачи в работу, должники подвергались наказанию розгами.

В прежние времена (XVII-XVIII века) взимание ясака сопровождалось насилием, истязаниями, существовало женское рабство. Воеводские чиновники и казаки отнимали у должников женщин и девушек, обращали в своих наложниц, даже торговали ими: взрослых женщин продавали по 15-20 рублей, малолетних девочек по 20 копеек. Ясак выражался в больших размерах: с холостого брали по 10 соболей, с женатого – по 20. Кроме ясака, взыскивались различные поборы: поминки и подарки воеводам, поклонный ясак, другие виды налогов.

В первые годы колонизации под тяжестью непосильных поборо- ров и жестокости воевод туземцы прибегали к неповиновению и открытым восстаниям, нападениям на новые сибирские города.

При царе Михаиле Федоровиче официально узаконено спаивание туземцев вином, чтобы приучить их к выплате ясака. В 1631 году велено Тобольскому воеводе князю Трубецкому высылать в Березово по 15 ведер вина для угощения остяцких и самоедских старшин.

Лекари и шаманы

Туземцы Севера, за малым исключением, не знали квалифицированной медицинской помощи и не имели о ней понятия. Лечились у знахарей и шаманов.

На весь Обь-Иртышский Север было только три больницы с тремя врачами, несколькими фельдшерами и повивальными бабками. Причем должности фельдшеров часто замещались лекарскими учениками и ротными лекарями. Фельдшер со специальным образованием получал жалованье всего 200 рублей в год, что также препятствовало поступлению на службу специалистов.

Из всевозможных здесь болезней особенно свирепствовала оспа. Зимой 1909 года по реке Ваху была эпидемия натуральной оспы, занесенная из смежного Туруханского края. Тогда умерли 29 человек. В 1904 году в этой же местности от эпидемии тифа умерли 21 человек. Долго свирепствовала эпидемия тифа в Березово и Обдорске, унесшая много жизней, в том числе и медицинского персонала, направленного из Тобольска для борьбы с эпидемией.

У обских остяков с давних пор укоренился сифилис. Эта болезнь в ужасающих размерах распространена была в Лумпокольской (Александровской) волости. Этому способствовало открытие в 1804 году в селе Александровском казенной винной лавки, вследствие чего – поголовное пьянство мужчин и женщин, а в пьяном состоянии полная их распущенность и неразборчивость.

Для иллюстрации распространения сифилиса взята справка из Сургутской уездной больницы. За пять лет в этой больнице находились на излечении от сифилиса по управам: Юганской – 16 человек, Тундринской – 15 человек, Локосовской – 38 человек, Ларьякской – 26 человек, в то время как по Лумпокольской – 106 человек.

Сильно распространены на Севере глазные болезни. Слепых много во всяком возрасте. Поэтому являлась настоятельная необходимость в посылке сюда глазного отряда Попечительства о слепых, о чем уездная администрация просила губернские власти с представлением списка слепых, которых по этой надобности был произведен учет в Сургутском уезде, но это ходатайство осталось неудовлетворенным. Между тем для лечения глазных болезней являлось желание у самих больных инородцев. Так, Никита Сигильетов Ларьякской управы летом 1903 года возил свою жену на лечение в Томск, но съездил неудачно: будто бы врачи-окулисты оказались в отпуске.

Ездили еще в Томск больные остяки села Кривоуцкогo Тихон Сыгрянкин и юрт Чамкиных Локосовской управы Яков Чамкин, и также бесполезно: никто этим слепым никакой помощи не оказал даже в университетском городке, не говоря уже о Тобольске, куда ездил на лечение, и также зря, инородец юрт Качесовых Локосовской управы Никита Качесов. Такое было тогда отношение к туземцам Севера.

Таких больных в Сургутском уезде по учету в 1913 году оказалось 136 человек. *(Списки больных сохранились в архиве Пирожникова до настоящего времени. Но эти сведения не точны, многие больные в дальних стойбищах и кочевьях остались неучтенными, а по Тундринской волости совсем не было получено списка. – Ф.П.).*

В 1903 и 1912 годах в Тобольске были вышеуказанные глазные отряды, но вместо помощи населению Севера тамошние власти ограничились лишь оповещением администраций северных уездов о времени прибытия отрядов в Тобольск. Однако за дальностью расстояний никто из больных туземцев там лечиться не мог и никто не ездил.

Многие слепые не то чтобы в дороге, даже в своей семье нуждались в помощи и уходе и оказывались тяжелым бременем для семьи и одноюртников.

При отлучке взрослых здоровых членов семьи с детьми на промысел на продолжительное время слепые, обычно старики, оставались одни без присмотра и помощи на произвол судьбы, подвергаясь жестоким лишениям и несчастиям. В апреле 1911 года сгорела в юртах Корликовых Ларьякской управы 75-летняя слепая старуха Прасина от возникшего в юрте пожара, когда она в одиночестве топила чувал и готовила себе пищу. В том же году в

Березовском уезде в юртах Холась-Соимских Куноватской волости в ноябре сгорели в своей избушке Иван Русьмиленков 72 лет и его жена Анна Григорьевна 68 лет, оба слепые.

Некоторые слепые пропитывались своим трудом: рыболовством, вязанием мережи, изготовлением снастей, прядением ниток из крапивного волокна и шерсти, помогая тем самым своим семьям. Ганжеева Акулина 40 лет, слепая, из юрт Урьевских Локосовской управы, кроме прядения ниток и вязания сетей, занималась еще шитьем одежды. Она делала это даже находясь на лечении в Сургутской больнице.

На дровяной пристани «Лукашкин Яр» Лумпокольской управы одиноко жил слепой на оба глаза старый остяк Александр Сигильетов. Он прокармливался собственным трудом – ловил рыбу на реке Обь, один ездил на обласу по реке.

В юртах Рыскиных Юганской управы жил слепой старик Иван Русскин. У него был сын калека, который жил отдельно от отца. Так вот, Иван Русскин приучил свою собаку водить его за нартой по ближайшим юртам за сбором подаяния и таким образом много лет прокармливал себя.

О плохом медицинском обслуживании населения Севера говорит такой пример. Газета «Сибирский листок», 1912 год, №66: «Насколько удовлетворительно поставлена медицинская помощь в городе Березово, может служить иллюстрацией недавний случай: крестьянин села Елизаровского на охоте нечаянно прострелил своему сыну руку, повезли раненого в Березово, врач отказался сделать операцию, и несчастного больного должны были везти из Березово в Тобольск, т.е. за тысячу верст, да при перевозке его из села Елизарово до Березово проделано 420 верст».

Луч света...

В январе 1904 года в селе Ларьякском Сургутского уезда открыто начальное училище Министерства народного образования. Сделано это по приговору ярмарочного съезда туземцев по предложению автора этих строк, бывшего тогда на съезде.

Это по существу была первая светская школа, в которой обучались дети остяков. До того времени на Севере было два училища в Березово и Сургуте и церковно-приходские школы в некоторых деревнях, где обучались русские дети. Для обучения детей инородцев существовали миссионерские школы в селах

Кондинском и Обдорском Березовского уезда, где преподавался в основном закон Божий, а общеобразовательных знаний эти школы почти не давали.

На должность учителя Ларьякской школы был назначен Тобольским училищным советом молодой педагог Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников, уроженец города Тобольска. Мною были приняты меры по разрешению открытия училища и подысканию учителя при поездке по служебным делам в Тобольск в декабре 1903 года.

Учитель Г.М.Дмитриев-Садовников прибыл из Тобольска в Сургут вместе со мной в январе 1904 года, а от Сургута до Ларьяка добирался самостоятельно, проехав таким образом в самую морозную пору 1564 версты. По приезде в Ларьяк в январе 1904 года Дмитриев-Садовников открыл школу и приступил к занятиям. В первые дни было принято 15 учеников, из них 6 остяцких детей – 4 мальчика и 2 девочки.

Учение пришлось начинать в условиях, когда учитель не знал остяцкого языка, а дети – русского. Тем не менее учителю удалось научить их читать по звуковому способу – сначала остяцкие слова, написанные русскими буквами, а потом и русские. Таким вот образом ученики научились по-русски, а учитель по-остяцки. Все шесть детей окончили школу и получили свидетельства.

В 1908 году при школе открыта была слесарная мастерская, и туземцы обучались этому мастерству. Школа размещалась в собственном доме, построенном главным образом на средства туземцев и на субсидию от казны в сумме 2000 рублей. Здесь же находилась квартира учителя.

В первые годы остяцким детям выдавались бесплатно одежда и обувь за счет средств пожертвования и казны. Из средств пожертвования (200 рублей) 40 рублей было израсходовано на приобретение картофеля, культивирование которого тогда начиналось для ознакомления остяков. В дальнейшем эта работа прекратилась за неимением средств.

Учитель Дмитриев-Садовников сообщал, что дети учились со старанием. Была у них одна девочка 9 лет – маленькая, веселая, хорошо решала простейшие задачи, красиво и без грубых ошибок писала. Когда у нее не было чернил, она пользовалась ягодным соком. Мальчик Егор бегал летом то к одному, то к другому жителю села и просил разъяснить непонятные слова. А когда учи-

тель спросил: «Кем ты хочешь быть?», то он ответил: «Писарем».

Часто ученики расспрашивали учителя о больших городах, о жизни других народов, после занятий ходили вместе с учителем ловить рыбу, катались на санках, на собаках, а иногда уходили на охоту.

Дмитриев-Садовников составил рукописную грамматику остяцкого ваховского наречия и сдал ее в библиотеку Тобольского губернского музея. Правление Общества изучения края при музее ввиду большой нужды в туземных учебниках решило в 1925 году издать ее для пользования в школах, но предварительно выслало рукопись для оценки и отзыва профессору Пермского университета Емельянову, который, однако, признал эту грамматику неудачной, как имеющую лингвистические неточности и другие дефекты.

Кроме упомянутой рукописной грамматики Г.М.Дмитриев-Садовников писал очерки в губернские газеты и Ежегодник Тобольского музея.

Будучи активным деятелем музея Дмитриев-Садовников участвовал в экспедиции Б.Н.Городкова по исследованию реки Вах, снаряженной по инициативе музея, при денежной поддержке Академии Наук и Петербургского ботанического сада.

В том же 1904 году составлен был приговор об открытии школы в юртах Вартовских Локосовской управы, но она из-за нерасторопности и бездействия училищного совета открылась только в 1910 году после неоднократных напоминаний и настоятельных просьб. В этой школе обучалась только одна остяцкая девочка.

В школах Никольской, Лумпокольской, Кушниковской, Пилюгинской Сургутского же уезда остяцких детей вовсе не было. Туземцы не отдавали тогда своих детей на учебу, боясь, что ученый остяк не пойдет в материк за белкой. Боялись они и слухов о том, что грамотных остяков будут брать в солдаты.

В архивных делах Сургута имелась, между прочим, такая запись: «...в 60-е годы губернатором принимались меры к открытию в Сургутском округе училищ для обучения детей». Но в чем заключались эти меры – неизвестно.

НАСУЩНЫЙ ХЛЕБ СИБИРЯКОВ

Занятия и промыслы

Почти всю домашнюю утварь, орудия и принадлежности промысла, летние и зимние транспортные средства, одежду и обувь туземцы делали сами из дерева, бересты, пихтовой коры, кореньев, травы, кожи, кости, меха, сухожилий и т.д.

Невозможно перечислить весь набор домашней утвари, охотничьи и рыболовные принадлежности, кустарные музыкальные инструменты, средства передвижения. Это различного назначения чашки, корытца, черпаки, ложки, туески, куженьки, кувозки, коробки, шкатулки из дерева, бересты, корней; ручные и сторожевые луки со стрелами, черканы, плашки, слопцы; веревки из коры тала, сети из волокон крапивы, рыболовные крючки, морды, котцы; олени и собачьи нарты, упряжь, лыжи, многоместные и одноместные лодки-обласа; детские люльки, игрушки, ритуальные предметы.

В творчестве народов Обь-Иртышского Севера проявлялось высокое художественное мастерство. Это искусство не раз демонстрировалось на российских и международных выставках в разные годы 20-го столетия.

Особенно отличались трудолюбием, фантазией, тонкостью и чистотой работы женщины. Мужчины занимались в основном охотой, рыболовством, изготовлением орудий лова и промысла, средств передвижения. Женщина вела все домашнее хозяйство, ухаживала за детьми, помогала мужчинам во всех делах, обрабатывала шкуры по всему циклу, заготавливала дрова и воду, готовила пищу, шила одежду и обувь, еще успевала ловить рыбу, зверя и птицу для пропитания семьи, когда мужчины уходили на длительное время в урман.

Предметы одежды и обуви были представлены через Тобольский музей на Омскую выставку 1911 года. Изделия высочайшего класса местных мастериц с Ваха, Югана и Тром-Агана Сургутского уезда были приобретены А.А.Дуниным-Горкавичем и посланы на Парижскую выставку. В советское время лучшие образцы народного промысла неоднократно представлялись на выставки различного ранга.

Очень высоким мастерством исполнения отличались мелкие вещи: кошельки, кисеты, сумки для хранения различных женских принадлежностей: ниток, иголок, сухожилий, бисера, стекляруса и т.д.

Шитье, вышивки имели несколько видов, из которых главным национальным считалось шитье «ханта-ханч». Другие типы вышивок назывались «керем-ханч», «севем-ханч», «ектем-ханч», «руть-ханч» (русская вышивка).

Тематикой для творчества мастериц служила природа: звери и птицы, деревья и цветы. Все это стилизовано переносилось на художественное изделие методом типовых вышивок.

Из овечьей шерсти, покупаемой у русских, женщины вязали чулки и рукавицы с ярким национальным орнаментом и узорами.

Жители Севера накопили большой опыт изготовления красителей из ягод, трав, древесной коры, золы трута (древесный нарост, гриб), минерального сырья, других материалов.

Кроме кожи и меха зверей и птиц, широко использовалась рыба кожа, обычно кожа налима, иногда – осетра и стерляди. Из налима кожей шили штаны, которые называли на «рыбьем меху», а также рукавицы, мешки, сумки, детскую обувь.

Из волокна крапивы раньше изготавливали нитки для сетей и грубые холсты для женской одежды. Теперь этот промысел забыт и утрачен.

За многие века туземцы накопили громадный опыт по выделыванию кож и мехов, используя для этого простейшие приспособления, древесную труху и рыбий жир.

Наряду с деревом и кожей универсальным материалом являлись кости мамонта, лося, оленя и птицы. При этом разные по величине, форме и структуре кости шли на изготовление определенных изделий: детали оленьей и собачьей упряжи, украшения сбруи, мерки для пороха и дробы, пороховницы и дробовницы для хранения запасов на охоте, приспособления для ношения топора на поясе, наконечники стрел, рыболовные крючки,

пластинки для предохранения руки от удара тетивой при стрельбе из лука, цельные и наборные рукоятки ножей, различные крючья, в том числе для подвешивания детской колыбели; табачные трубки, табакерки, гребни для чесания волокна крапивы, швейные иглы и шилья, из пустотелых костей крупных птиц делались игольницы для хранения игл, множество других предметов быта и промысла.

Рыболовство

В давние времена туземцы Севера занимались рыболовством только для личного потребления. С развитием товарно-денежных отношений вылов увеличивался, рыба становилась товаром. Однако лучшие угодья аборигенов захватывались русскими рыбопромышленниками, проводившими добычу рыбы в большом количестве, часто хищническим способом, в том числе самоловами. Иногда, для видимого соблюдения законности, угодья арендовались, но за самую низкую плату.

В 1879 году Главное Управление Западной Сибири издало постановление о запрещении лова рыбы самоловами. Это постановление за отсутствием надзора не выполнялось. В числе карательных мер за лов рыбы самоловами устанавливался штраф в 15 рублей. Русские промышленники на реке Обь ниже Обдорска добывали осетра за один суточный просмотр самоловов по сто штук и более, и ничтожность наказания высмеивали, выражая готовность заплатить штраф за десять лет вперед.

Основной промысел рыбы ценных пород проводился на реках Березовского уезда. Там у русских рыбопромышленников наряду с русскими работали туземцы с семьями, жили в своих чумах, трудились по 15 часов в день, получали по 20-30 рублей за лето, питались плохо, о спецодежде не имели понятия. Расчет проводился не деньгами, а товарами, что еще больше усиливало их зависимость и кабалу.

В 1876 году И.С.Поляков по поручению Академии наук произвел обследование Тобольского Севера, подтвердившее жесткую эксплуатацию рабочих рыбопромышленниками. По распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Казнакова принят был ряд мер в защиту промысловых рабочих: сокращение продолжительности рабочего дня, требование к хозяевам построить жилые помещения с соблюдением гигиенических норм по

планам губернского строительного комитета, столовые, бани, улучшить питание, одежду. Но мероприятиям этим не суждено было осуществиться. Рыбопромышленники не выполняли распоряжений, и администрация бессильна была в борьбе с ними.

Затем обследования рыбных промыслов на Крайнем Севере проводились в 80-90 годы прошлого столетия врачами Матвеевым, Почтаревым, Дунаевым, профессором Якобием, ихтиологом Варпаховским, Дуниным-Горкавичем, от Тобольского губернского музея – Луговским, Юрасовым, другими.

В начале 90-х годов, по случаю холерной эпидемии 1892 года, рыбопромышленники обложены были двухрублевым сбором с каждого рабочего для постройки больничных барачных и оборудования аптек. П.Ф.Почтарев на получившуюся от устройства барачных и их содержания экономию приобрел паровой винтовой катер для медицинского обслуживания промыслов, но выяснилось, что катер не мог проходить по мелководным речкам, значит, многие промыслы по-прежнему оставались вне контроля. А в целом эта попытка, в конечном итоге, успеха не возымела.

Главным предметом рыбного промысла у населения Обского Севера являлся муксун. Его вылавливали в большом количестве во время подъема в верховьях Оби на нерест и после икрометания при обратном скатывании в Обскую губу. На реке Обь от села Кондинское (Октябрьское) до Обдорска и на реке Сосьва вылавливалось много щуки и сига.

Самое благоприятное и доходное время при ловле рыбы – это «вонзь», когда начинается первый весенний подъем рыбы из Обской губы вверх по реке Обь в притоки и сора (заливные поймы). Этот вонзевой лов начинается сразу после ледохода с небольшим опережением или запозданием, в зависимости от условий весны. В это время рыба идет косяком. В середине лета бывает второй подъем рыбы, гонимой белугой.

В старину широко практиковался хищнический лов стерляди самоловами на юровых ямах. Это глубокие ямы от 10 до 30 метров на Иртыше, где стерлядь зимует и нерестится.

Лов проводился следующим образом. Ежегодно, около Николе Зимнего (19 декабря), рыбаки занимали места на льду, долбили проруби для самоловов на расстоянии одного шага лунка от лунки, в которые на «якорях» (грузилах) опускались самоловы. Это крепкие шнуры с острыми крючками и поплавками. Самолов попадает в скопление рыбы. Крючок с поплавком пошеве-

ливаает течение, и рыба цепляется за него любой частью своего тела.

К началу лова приступали по сигналу (выстрел из ружья). В этот момент снасти опускались в воду. Вынимались через час. Затем таким же образом опускалась вторая очередь, третья... Лов продолжался два дня.

На трех юровых ямах добывалось до тысячи пудов стерляди и осетра. На месте пуд разномерной стерляди стоил 7 рублей, пуд осетра икраюого – 20 рублей, холостого – 9 рублей.

Юровой промысел сопровождался большим стечением покупателей и народа. Купцы приезжали из Тобольска, Тюмени, Ирбита, Екатеринбургa, Перми и других городов.

В Березовском уезде за многие годы сложился промысел высокосортовой сосьвинской сельди, называемой «тугун». Эта мелкая рыбка длиной 20 см и весом 80 граммов имеет очень высокие вкусовые качества. Она водится в Северной Сосьве и ее притоке Ляпин. Вогулы путем копчения приготавливали из нее «юколу». Ее также солили первобытным способом. По инициативе местного рыбопромышленника С.П.Шахова начинало практиковаться ее маринование.

В Тазовской губе промышляли только четверо русских из Сургута с наемными рабочими из местных туземцев до 15 человек. Они добывали до 2000 пудов осетра и до 3500 пудов другой разной рыбы. В мороженном виде она доставлялась в Сургут на оленях. Целый месяц требовалось для проезда от Таза до Сургута и столько же обратно.

В 1900 году в массе привезенных с Таза товаров была рыба весом 5 пудов 10 фунтов (84 кг). Вечные рыбаки русские и самороды не могли определить в Сургуте, что это за рыба, пойманная в Тазовской губе у самого устья Таза в пресной воде зимой. По внешней форме и мелкой черной икре рыба должна быть стерлядью, но неизвестно, чтобы в Обь-Иртышском и Тазовском бассейнах встречались стерляди весом в 5 пудов, даже хотя бы в 2 пуда. Возникло предположение, что это «шип», «шиповка», т.е. помесь стерляди с осетром, но и это предположение отпадало, потому что неизвестны примеры, когда бы шипы встречались с икрой. Когда рыбу привезли в Тобольск, то для осмотра этого удивительного экземпляра пригласили консерватора губернского музея Н.Л.Скалозубова, и он также не смог установить, какая это рыба. Тогда хозяин Н.П.Тетюцкий отправил

ее в Петербург в дар Зоологическому музею Академии наук. Там сделали из нее чучело и решили, что это осетр.

Вся товарная рыба на Севере приготавливалась примитивным способом – стоповым засолом – за неимением сведений о лучших приемах обработки. Часто засаливали рыбу, которая уже начинала портиться. Об искусственном охлаждении и консервировании не могло быть и речи.

В 1856 году Главным Управлением Западной Сибири поднимался вопрос об упорядочении рыбных промыслов на Севере и улучшении качества рыбной продукции, но никаких мер не было принято. Попытки в этом отношении предпринимались лишь частными лицами. Так, в 1897 году в селе Самаровское Тобольского уезда рыбопромышленником В.Т.Земцовым была открыта рыбная школа на собственные средства. Срок обучения устанавливался два года. Проводились, в основном, практические занятия по обработке рыбы и приготовлению рыбных продуктов. Теоретические занятия проводились в виде бесед по рыбному делу. В первом наборе обучалось 10 человек. Просуществовала она 3,5 года. Закрылась в связи со смертью основателя и за отсутствием средств на содержание.

Часть рыбы осеннего улова отсаживалась в «сады» – закрытые или отгороженные водоемы. С наступлением устойчивых холодов рыба отлавливалась и в мороженом виде транспортировалась. При оттепелях отловленная рыба портилась, пропадала.

В бассейне Ваха основными промысловыми рыбами являются язь, щука, мохтик (елец), окунь, карась. Они же составляют основное продовольствие. Известен такой пример. В 30-40 км от юрт Охтеурьевских в маленькой речке, по-местному, в егане, у Полуденной горы в ноябре скопилось такое количество мохтика, что 3 человека за 2 часа начерпали 3 воза (600 кг) этой рыбы. В ту зиму обитатели юрт прожили за счет той спасительной речки. И в другие зимы остяки семьями выезжали на ту речку и питались там рыбой, черпая ее, как из садка.

Большим бедствием для жителей Сургутского и Березовского уездов является «замор». Это природное явление начинается с наступлением сильных морозов, когда водоемы покрываются толстым льдом и прекращается доступ кислорода из воздуха в воду. Явление это характеризуется резким уменьшением растворенного кислорода в воде вследствие поглощения остатков кислорода при распаде огромного количества

органических веществ, выносимых в Обь из болот и речек. «Сгоревшая» вода приобретает желтый цвет и ржавый вкус. Рыба в поисках кислорода устремляется к берегам, к ключевым источникам свежей воды, в речки, к так называемым «живцам». Здесь ее вылавливают в больших количествах. Рыба, которая не успела найти живую воду, гибнет.

В 1912 году в притоках Оби – Васюган и Чижалка – вследствие раннего рекостава и сильных морозов произошел такой замор, что в Васюгане погибла вся рыба, не успевшая выйти из заморного района. Томская газета «Сибирская жизнь» писала тогда, что вдоль берегов образовались целые штабеля рыбных трупов, наполовину разложившихся.

В верховьях Оби замора не бывает, вода всегда чистая, светлая. Там зимой ловится много стерляди и осетра, тогда как в смежном Сургутском уезде такая рыба зимой не ловится.

В Иртыше, выше 250 км от устья Иртыша, замора тоже не бывает. Однако известен такой случай. У деревень Денщики, Семейка, Чебачкина в марте произошел сильный замор, когда за неделю было добыто 2500 пудов нельмы и стерляди. Такой же замор случился в 1918 году.

В нижнем течении реки Обь уничтожалась молодь осетра, называемая лобарем и карышом. Между Войкаром и Шурышкарком во время замора в январе-феврале масса молодняка поднимается к живунам, всплывает вверх так, что лед пропревает, тут его и вылавливают целые горы.

Распорядительный комитет Тобольского губернского музея в 1901 году обсуждал новый проект устава рыбной промышленности и, между прочим, постановил: места по Малой Оби и по Войкару, где сохраняется молодь от замора, признать заповедными.

Охотничий промысел

Охотничий промысел на Севере, как и рыболовный, составляет основную отрасль хозяйства туземцев. Главным объектом промысла в зоне хвойных лесов является белка. Охота на нее начинается в естественные сроки поздней осенью, когда зверек вылиняет и мех приобретет серый и голубоватый цвет. Добыча белки зависит от наличия корма – ореховых шишек кедра и других хвойных деревьев. Белка питается также ягодами и грибами, которые развешивает на деревья для просушки.

Известно много случаев, когда при неурожае кедровых орехов наблюдается массовое передвижение белки на большие расстояния. Тогда идет она напрямую, преодолевая лесные массивы, болота, водные преграды, даже Обь.

При хорошем урожае и благоприятном размножении бывает и хороший промысел белки. Таким благоприятным в бассейне реки Вах, например, был 1910 год. Там в одной семье две девочки 12 и 15 лет добыли за сезон 1430 белок, а взрослый охотник-мужчина добывал по 1000 штук. С двух Ларьякских ярмарок – декабрьской и майской – вывозилось 200 и более тысяч шкурок.

Ваховская белка отличается от обской высоким качеством: шкура крепче, мех пышнее. Достаточно взять в руки, чтобы заметить разницу. Не зря цена ее доходила до 43 копеек. Несколько меньше добывалось в бассейне реки Юган. В Березовском уезде много белки добывалось в Шурышкаре и на Казыме.

Из других промысловых зверей наибольшую ценность составляют песец, исчезающий соболь и лиса. Песец преимущественно водится в тундровой зоне, на полуострове Ямал. Сбылся песец через Обдорскую ярмарку.

В Сургутском уезде этой пушнины заготавливалось мало, в основном в бассейнах северных притоков Оби и на Югане. Бывали случаи добычи песцов и в окрестностях самого Сургута. В 1910 году песец убит в городе. Этот зверек бегал по дворам, преследуемый людьми и собаками. Спасаясь, он заскочил на крышу амбара, и был застрелен политическим ссыльным Матюшенко. Шкурка того песца была закуплена для Омской выставки.

Соболь был широко распространен в Сургутском и Березовском уездах по рекам Юган, Балык, Салым, Конда, Сосьва, Ендырь, Сеульская. Например, по реке Юган охота на соболя еще в конце прошлого века была основным источником существования. Один охотник из юрт Усановых три зимы промыслил соболей одного гнезда. Детеныши подрастали, он их отлавливал сетью с помощью собаки, а самку сохранял.

Добывалась и куница, которая по окраске и пушным свойствам похожа на соболя. А помесь с соболем, называемая «кидус», вообще мало от него отличается.

С Юганской ярмарки в те годы вывозились сотни соболиных шкур. В последующие годы соболь стал исчезать и перекечевывать в другие, более глухие места.

В 1912 году в Государственной Думе была образована осо-

бая комиссия для рассмотрения проекта правил охоты на соболя в Сибири, которая нашла необходимым повсеместное запрещение охоты на соболя в течение трех лет до октября 1916 года. Тогда же было принято Думой пожелание запретного времени в тех местностях, где охота на соболя являлась главным источником существования. Однако никакой помощи оказано не было. Запрет был продлен еще на три года, но никакого воздействия на реальные события он уже не возымел. Главным управлением землеустройства предполагалось создание заповедников, но и этот проект не был осуществлен: остался в области мечтаний.

Лисица на Севере водится повсеместно в пойме реки Оби и ее притоков, там, где плодится множество мышевидных грызунов, являющихся ее основным кормом. Есть несколько разновидностей лисы по окраске: обыкновенная рыжая, белодушка, сиводушка, чернобурая, седобурая, очень редко встречаются черные и белые лисы. В 1899 году в Сургутском уезде добыта совершенно черная, очень крупная лиса. Ее шкура продана на Ирбитской ярмарке за пять тысяч рублей. В 1909 году в Сургутском же уезде добыта совершенно белая лиса. Ее шкура отправлена в Петербург в Зоологический музей Академии наук, как чрезвычайно редкий экземпляр.

Некоторые остяки и самоеды практиковали выращивание песцов и лисиц в домашних условиях, доставая щенят из нор и гнезд, но шкуры таких зверей получались гораздо хуже полевых. К тому же этот промысел наносил большой ущерб природе, т.к. мало щенят выживало в неволе.

В одной хантыйской семье в юртах Мегионских Локосовской управы Сургутского уезда жила прирученная обыкновенная лиса. Кормили ее рыбой. Лису посещал живший на воле чернобурых самец, и она приносила чернобурых лисят. Их выкармливали при живой матери и продавали по хорошей цене.

К промысловой фауне лесной и тундровой зоны еще относятся горностай, колонок, ласка, бурундук, выдра, рысь, россомаха, заяц, медведь, волк. К морским промысловым животным относятся белый медведь, морж, тюлень, нерпа. Наивысшую ценность из них представляют горностай, колонок, выдра.

Росомаха и рысь очень вредные животные, которые уничтожают добычу в ловушках, за что охотники испытывают к ним большую неприязнь.

Остальные промысловые звери отлавливаются и отстреливаются обычно не специально, а попутно, например, заяц.

Из парнокопытных самый крупный зверь – это лось. В 1914 году на Салыме и Балыке в Сургутском уезде добыто около 300 лосей. На Югане 12-летний мальчик из юрт Купландиевых убил из берданки двухлетнего лося, догнав его на лыжах-подволоках. 14-летний мальчик из юрт Тайлаковых, сын Алексея Когончина Петр, убил из берданки 7 лосей. Охотники Юганской управы Спиридон Немчинов юрт Курлокиных и Егор Ярсомов юрт Ярсомовых убили в марте 1912 года из берданок 140 оленей и 8 лосей. Промышляли они в вершине речки Демьянка в трех днях хода от юрт Курлокиных. Спиридон Немчинов рассказывал автору этих строк о том, что убить можно было больше, но не под силу доставить добычу домой. На Югане, например, в 1912 и 1916 годах добыто оленей по 200 штук, в 1913 году – 100 штук. Учет в те годы был поставлен не очень точно, поэтому надо полагать, что для личного потребления лосей и оленей было отловлено и отстреляно гораздо больше.

В Березовском уезде лосей и оленей ловили длинными огородами (загородками). В изгородях оставляли проходы, куда настораживались луки со стрелами или ружья.

Цены на пушнину на Обдорской ярмарке в 1911 году были такие: песец – 13-15 рублей, пыжик-пешка (шкура оленьего теленка) – 3 рубля, горностай – до 3 рублей, шкура оленя – 3 рубля 25 копеек, белый медведь – 100-150 рублей. Всего в тот год на Обдорской ярмарке продано пушнины: песца белого – 8000 штук на 120 тысяч рублей, пыжика-пешки – 600 штук на 20 тысяч рублей, горностая – 3000 штук на 10 тысяч рублей, белки – 30000 штук на 10 тысяч рублей, лисицы красной – 500 штук на 8 тысяч рублей, оленьих шкур – 15000 штук на 50 тысяч рублей, белых медведей – 50 штук на 5 тысяч рублей.

Среди мягкого золота Севера заслуживают особенного внимания бобры. В отдаленные времена на Обском Севере водилось очень много бобров. О широком распространении их свидетельствует первый сибирский публицист Ф.И.Соймонов в своем произведении «О сибирском изобилии».

О ловле бобров в Сургутском крае упоминает русский посланник Николай Спафарий, совершивший путешествие через наши места от Тобольска до Нерчинска и границ Китая. Другие исследователи утверждают, что «поблизости Сургута речные

бобры наблюдаемы стадами». Кроме меха, бобры ценятся съедобным вкусным мясом и бобровой струей (ароматическая жидкость, выделяемая особой железой самца), применяемой в медицине и национальных обрядах туземцев. Из-за своих высоких достоинств бобры подвергались хищническому истреблению и давно исчезли. Лишь незначительная часть их сохранилась на реках Конде и Малой Сосьве, где в советское время учрежден Кондо-Сосьвинский заповедник.

Оленеводство

Оленеводство составляет основу благосостояния Севера. Олень является транспортным средством, дает пищу, одежду, обувь, жилище, вспомогательные материалы, товарную продукцию.

Оленеводство развито главным образом в Березовском уезде, на Ямале, в районе Обдорска, по рекам Надыму и Ныде, на Тазовском полуострове, в бассейнах Пура и Таза, Сосьвы, Вогулки и Казыма.

В Сургутском уезде много оленей держали остяки, кочующие в междуречьях Тром-Агана и Агана, Пима и Ляпина. А по Ваху, Югану, Балыку и Салыму оленеводство было вспомогательным занятием из-за недостатка таежных пастбищ.

Олени неприхотливы в корме, размножаются хорошо. Отел происходит ранней весной. Начиная с трех лет, важенка ежегодно приносит одного теленка. Рога у оленя обновляются каждый год. У самки они опадают через несколько дней после отела, а самцы сбрасывают их в начале зимы, в декабре.

Полного развития олень достигает к 3-4 годам. Живой вес взрослого оленя доходит до 250 кг. Особенно крупные олени водятся на Казыме и в верховьях Таза. На тазовских оленях доставлялись зимой в Сургут большие клады рыбы и партии пушнины с северных промыслов. Вогулы по Ляпину на оленях по порядку возили почту, а между Березовом и Обдорском остяки содержали оленнюю земские гоньбу и станции.

В Ляпинско-Сосьвинской местности и в Обдории, кроме местных туземцев, оленеводством занимались пришлые архангельские зыряне-ижемцы, имевшие тысячные стада. Они сбывали крупные партии оленьих шкур, т.н. «постелей» (без ног и головы), шкур молодых оленей «пешки» и «неплюя» в Москву и другие

города, на Печору в кустарные мастерские на замшу и меховые изделия. В дело шли оленье борода, сухожилия, шкуры с ног и головы оленя для шитья обуви, рукавиц и украшений.

В лесной местности по Югану и Ваху оленей держали мало, были даже безоленные семьи. По узким лесным дорогам ездили на узких нартах, запряженных иногда одним оленем, второй мог бежать на привязи. Размер юганской нарты: длина 2 м 70 см, ширина между полозьями 54 см, ширина по верху 40 см.

Юганские остяки пасут оленей вблизи юрт, ноги путают специальной колодкой, чтобы олени далеко не разбредались.

По статистическим данным, на Обском Севере в 1910 году насчитывалось в домашних хозяйствах около 450 тысяч оленей. В последующие годы их численность сократилась почти вдвое в результате эпизоотий сибирской язвы, ящура и копытной болезни, производящих страшные опустошения в оленеводческих хозяйствах.

В 1911 году на Ямале в середине лета пало 100 тысяч оленей стоимостью около полутора миллионов рублей. (Сведения Ежегодника Тобольского музея). В некоторых семьях пали все олени, и им пришлось пешком выбираться к приобским жилым местам.

Самоеды называли эту болезнь в своем наречии «вой ханиче», что значит «худая болезнь». Смерть наступала в течение часа. Сначала опухают глаза, затем рога, голова, шея, туловище, олень падает, разбухает, как бочка, и погибает. При снятии шкуры на мясе видны водянистые пузыри. При поедании такого мяса люди вымирали целыми семьями. По рассказам очевидцев, у одного кочевника в три дня пало пять тысяч оленей.

В 1903 году на реках Надым и Ныда в июле-августе был повальный падеж, тогда погибло 7 тысяч оленей и 17 человек, поевших мясо. Оставшись без оленей, самоеды не могли вывезти пойманную рыбу на рынки.

Даже вороны и другие птицы, клевавшие падаль, сразу погибали. На пастбищах на поверхности земли образовались целые кладбища костей, постепенно обраставших мохом. Новые стада, пасшиеся здесь через несколько лет, также заражались и погибали.

С мест из уездов посылались ходатайства об оказании помощи из казны пострадавшим на покупку оленей, но на них мало обращалось внимания, никакой помощи правительством не было

оказано. Лишь в 1913 году послана была на Ямал экспедиция Главного Ветеринарного Управления для исследования причин массового падежа оленей в 1911 году.

Начальником экспедиции назначен был бактериолог Драчинский, который по возвращении сделал доклад в Тобольском губернском музее. Описывая свой путь, докладчик отметил значение оленя для жителей тундры и назвал падеж оленей одной из причин вымирания туземцев.

В распоряжении Ямальской экспедиции было 600 оленей и несколько проводников. Разделенная на три отряда, она вела кочевую жизнь, двигаясь за стадами, изучая обстановку и условия содержания оленей. Летняя стоянка лаборатории Драчинского оказалась на месте падежа. Из пробы земли, взятой под трупом оленя, были выделены возбудители сибирской язвы и культивированы.

Архангельская губерния в зоне развитого оленеводства в отношении практических предохранительных мероприятий оказалась более счастливой в сравнении с Тобольской. Там еще в 1909 году проведены предохранительные прививки в Тюменской и Большереченской тундрах и, по данным Архангельского Статистического Комитета, отход оленей достигал только 0,4 процента.

Во время ранее свирепствовавших эпизоотий сибирской язвы в тундре Печорского края сразу образовались «падежные места», на которых оленеводы боялись пасти свои стада, и места эти в течение нескольких лет оставались неиспользованными. Но в них ощущалась острая нужда, так как количество пригодных пастбищ с каждым годом сокращалось. Предохранительные прививки давали возможность вновь их использовать. Стада, прошедшие прививки, были запущены на эти пастбища, и ни один олень не заразился и не погиб.

Лес кормит

Дополнительными промыслами являются кедровый и птичий. В урожайные годы кедровый промысел приносит, кроме запасов для личного потребления, еще и доход. Птичий промысел служит исключительно для удовлетворения потребностей семьи.

Кедровые леса раскинуты повсеместно в лесной зоне Обь-Иртышского Севера, но особенно богатыми считались кедров-

ники по реке Вах и в районе села Александрово Сургутского уезда, по рекам Конда и Сосьва Березовского уезда и в районе села Самарово Тобольского уезда.

В Сургутском уезде по реке Кул-Еган недалеко от Покурской паромной пристани кедровники изобиловали зверем и птицей и давали такой богатый урожай, что лесничий А.А.Дунин-Горкавич предлагал устроить там заповедник.

Кедровые леса оберегались, и древесина кедра не использовалась как строительный материал, а только как поделочный и для изготовления лодок. Для этой цели разрешалась рубка неплодоносящих деревьев.

В урожайные годы, чередующиеся через 3-5 лет, отдельные кедры дают до пяти кулей шишек, или до 2,5 пудов (40 кг) чистого ореха. Таким годом был 1910 год. Обилие кедровых орехов сопутствовало хорошему промыслу белки, повышению доходности туземцев. Цена ореха была на месте около 3 рублей за пуд. Трудно сказать, сколько всего заготавливалось орехов по Северу, а в отдельных местах заготавливались сотни тысяч пудов, причем дальние кедровые острова оставались неиспользованными.

Орехи употреблялись только как лакомство, как подсолнечные семечки в южных краях. Маслодельного производства, даже кустарного, здесь не знали. А ведь из кедрового ореха можно готовить очень вкусное столовое масло. Лесохимическая промышленность возникла только в советское время.

Кедровая шишка поспевает в начале сентября, тогда же начинается ее сбор и продолжается до снега. Один год по Ваху в Охтеурьевской местности шишка не опадала до наступления зимы, поэтому сбивали ее колотушками, особенно на дальних островах, куда не смогли попасть до зимы. При личном разговоре автора этих строк с туземцами выяснилось, что такого необычного года не помнят даже старики. Иногда собирали шишки и весной, но вымокшие и подопревшие орехи из таких шишек утрачивали вкусовые качества.

Много кедровой шишки истреблялось птицей, ореховкой или кедровкой (ронжей), и бурундуками, большие площади кедровых боров уничтожались естественными пожарами, хотя таковые возникали не часто.

Шишка добывалась примитивным способом: в начале сезона – деревянными молотами (колот) и длинными шестами, а поздней

осенью – подножным собиранием. Обмолот и чистка шишек проводились вручную путем растирания деревянным зубчатым катком на бревне с зарубками и просеиванием на специальном решете. Очищенные орехи просушивались на листах в печах или на слабом огне. Специальные молотилки и веялки встречались только у русского населения в Самаровской волости.

В Тобольском уезде кедровых лесов было меньше, поэтому они бдительно охранялись местным населением, как, например, в деревне Ярковая бывшей Бегишевской волости.

Главный предмет промысла составляла водоплавающая птица: утки, гуси и боровая дичь: глухари, тетерева, рябчики, куропатки.

Уток повсеместно ловили перевесами, отстреливали из ружей и луков. Перевес – это большая, как правило, квадратная сеть, примерно 20х20 м. Она устанавливается следующим образом. В лесной гриве прорубается просека (плоха) между двумя водоемами на 3-4 метра шире перевеса, со стороны леса устанавливаются подъемные (на двух столбах с перекладиной) журавли, по-местному, «жеравцы», на высоту деревьев. На жеравцы с помощью верхних и нижних блоков (векошки) или колец на тонких крепких веревках поднимается перевес и закрепляется при помощи рожна. Под перевесом на высоте человеческого роста по всей площади просеки (плохи) натягивается подтон – сеть с ячейками 40-50 см, связанная из тонкого шнура.

Перевесом ловят уток весной во время гона теплыми тихими ночами. Когда стайка уток подлетает к перевесу, роженек выдергивается из петли бечевки, перевес плавно опускается на подтон, увлекаемый утками, птицы проваливаются в ячейки, как в мешки. Охотник закусывает им головы и вынимает из сети. Умный человек самочку выпускает, а селезней оставляет. При благоприятных условиях можно поймать за одну ночь несколько десятков уток. А можно не поймать ни одной, если ветер посадит перевес на деревья.

Для отстрела гусей устраиваются станки на песчаных островах и косах, куда гуси во время перелета садятся на отдых и кормежку. Под станок вырывается яма, в которой может находиться охотник, сидя или лежа. Яма накрывается решеткой и крышей, маскируется, остаются только отверстия для просмотра и стрельбы. Перед станком подсаживались живые прирученные гуси или устанавливались чучела (маншки) для приманки.

Этот способ практиковался только среди русского населения.

Аборигены обычно ловили гусей и уток во время линьки, когда птицу можно догнать и убить палкой или поймать сетью. У туземцев практиковался сбор яиц из гнезд.

Боровую дичь стреляли из ружей и луков, а в осеннее время, когда стайки молодняка вылетают из болот на берега таежных речек, ловили слопцами.

Хлеб и люди

Делом первостепенной важности на Севере является снабжение туземцев хлебом. Бывшие Сургутский и Березовский уезды – потребительские, население этого края жило исключительно привозным хлебом, доставлявшимся частными торговцами. В целях регулирования цен с давних времен учреждены были хлебозапасные магазины, и мука в них доставлялась губернским правлением по заявкам местной администрации с торгов, проводимых в городе Тобольске. Но почти каждый год покупная стоимость муки, поставляемой с торгов в казенные магазины, была более высокой по сравнению с мукой, поставляемой частными торговцами, так что иногда казенные магазины не понижали цены, а наоборот, способствовали их повышению.

Мука в некоторые магазины, например, в Угутский Сургутского уезда, Сартыннинский Березовского уезда, должна быть завезена в начале навигации, так как при спаде воды и обмелении речек пароходы с баржами не могут пройти, груз застревает в пути, и доставка его до места сопряжена с большими накладными расходами и ущербом для промыслового населения. Так, например, в одну навигацию пароход Плотникова с грузом для Угутского магазина в середине лета из-за мели не мог пройти по реке Юган далее села Юганского и сбросил там груз, не доведя по договору 250 верст. А во второй половине лета доставка груза возможна только до Сургута.

Из-за несвоевременной доставки хлеба и недостатка его происходили голодовки. В 1882 году в селе Ларьякское Сургутского уезда происходил голод за неуловом рыбы, а в местном хлебозапасном магазине муки хватило только до весны. Оставались запасы лишь у торговли Глазковой. Она продала весной хлебозапасному магазину 300 пудов, а потом продажу вовсе прекратила. Тогда остяки взломали амбар и взяли 100

пудов муки, благодаря чему и прожили до нового завоза 2500 пудов, доставленных в середине августа.

Далее села Ларьякское верст на 500 по направлению к Туруханскому краю в 1892 году был голод, умерло 20 человек. Голод произошел вследствие того, что эти безоленные остяки мало запасли хлеба, надеясь на горную речку, в которой они каждый год черпали рыбу, в основном ершей. Но вдруг рыбы не стало, они съели все летние запасы, и наступил голод.

В прежние времена хлеб доставлялся на Север сплавом на баржах. *(Еще в 30-е годы в Сургуте заборы и другие хозяйственные сооружения были сделаны из плах разобранных хлебных барж. – Ф.П.)*. Туземцы голодали из-за позднего приплыва хлеба. Тогда были известны случаи людоедства.

Старожил села Ларьякское Ефим Гаврилович Кайдалов рассказывал, что по речке Котог-Еган в 100 верстах от этого села в 1870-х годах был голод с людоедством: инородка Марья Александровна Сигильетова зарубила топором своего мужа при помощи своей матери, труп разрубили на части, варили и ели. Таким же путем зарубили и съели двух приемных детей. Однако это злодеяние было обнаружено представителем власти, возможно, приехавшим по доносу.

Когда автор этих строк записывал в 1906 году в селе Ларьякское рассказ Е.Г.Кайдалова из его собственных уст, М.А.Сигильетова была еще жива, имея от роду 90 лет, и жила в этом селе у своего зятя.

Население Сургутского и Березовского уездов с Самаровской волостью Тобольского уезда составляло в 1912 году 48 тысяч человек. После Октябрьской революции, за отсутствием других сведений, за основу принималась та же численность с незначительным увеличением.

Так, в 1918 году хлеб заготавливался из расчета 30 фунтов (12 кг) на едока в месяц или по 9 пудов в год. Между тем действительное число населения к тому времени было значительно больше — например, в 1917 году в Сургутском уезде было, по простым подсчетам, 15018 человек, а в 1912 году всего 10804 человека.

В большинстве районов Севера цены на хлеб были сносными — от 80 копеек до 1 руб. 50 коп. за пуд, но в некоторых местах Березовского уезда поднимались до 2 руб. и выше.

Хлебозапасные магазины из-за старых недоимок муку туземцам не выдавали, поэтому они голодали и посылали своих де-

тей попрошайничать. Нищенство и попрошайничество особенно было распространено в селе Обдорск. (*Попрошайничество остяцких детей в Обдорске описано К.Я.Лагуновым в книге «Ири-нарх».* – Ф.П.). В дни ярмарок там продавался, как правило, печеный хлеб.

В Сургуте в давнее время (1864-1872 гг.) цена одного пуда ржаной муки была 35-40 коп. Плата пешему рабочему в день составляла 20 копеек, а с лошадью – 40 копеек.

Об эксплуатации и угасании туземцев Севера написано много книг и статей, много сделано ученых докладов и отчетов в различных государственных и научных учреждениях, в сибирских газетах и журналах.

К тому, что написано в рассказе о составе и образе жизни туземного населения, добавлю еще несколько примеров, характеризующих ухищрения и мошеннические проделки торговцев.

Некоторые торговцы самовольно собирали с неграмотных и доверчивых туземцев шкуры ценных зверей, как будто бы для отправки православным святым, фактически оставляя их себе. А один торговец продал туземцу коробку пистонов за 35 руб., на которой было написано «№35». Другой торговец сам рассказал о хищнических приемах своей торговли. По приезду в юрты он остановился у одного туземца. Тот пожаловался гостю на больные ноги, тогда торговец продал ему за десять белок банку помады и велел натирать ноги перед топившимся чувалом. Когда, по счастливой случайности, больному стало легче, он очень выгодно продал остатки своей парфюмерии тем, кто обратился за помощью, вплоть до глазных болезней. (Газета «Обская жизнь». Ново-Николаевск, 1912 г., №30).

В Сургутском уезде по реке Юган для частной торговли хлеб доставлялся только купцом Тетюцким Н.П., который продавал его не за деньги, а исключительно за шкуры, выменивая их по таким ценам: 5 пудов муки ржаной – 1 соболь, 1 пуд муки – 8 белок, в то время как в 1910 году пуд муки стоил 1 руб. 20 коп., одна белка – 43 коп., а соболь – от 15 до 45 руб. Только после того, как ему удавалось собрать всю пушнину, он начинал продавать муку за деньги и в долг.

В 1852 году по распоряжению генерал-губернатора Западной Сибири Тобольской казенной палатой отведено командиру Тобольского пешего казачьего батальона есаулу Невзорову три десятины земли при городе Сургуте возле речки Саймы для

производства опытов выращивания хлеба. В 1853 году на этом участке произведен посев ячменя и овса по две пудовки и снято ячменя – 14, овса – 12 пудовок. Начало посева 1 июня, уборки – 20 августа.

В 1854 году Невзоров посеял озимого хлеба один пуд, собрал восемь пудов. В 1855 году посеял четыре пуда ячменя, снял тридцать пудов. В первом году опыта посеяно было еще немного льна и конопли, всходы и созревание были хорошими.

Опыт этот генерал-губернатор признал весьма удовлетворительным и пожелал для пользы не только одних казаков, но и инородцев, развить хлебопашество в этом крае в больших размерах, затребовав сведения о количестве удобной земли по течению реки Обь. В 1857 году Невзорову присуждена была медаль при такой грамоте: «Императорское Вольное Экономическое Общество в общем собрании 7 сентября сего года на основании Устава своего определило: есаулу Тобольского пешего казачьего батальона Василию Невзорову назначить Большую серебряную медаль за успешные занятия земледелием и распространение оного на отдаленном Сибирском Севере. Дана в С-Петербурге, октября 31 дня 1857 г.».

Место, где производились Невзоровым опыты посева хлеба в Сургуте, называлось «пашней».

Потом, в 1854 году, делались первые попытки культивирования хлебных злаков в селе Юганское, где местный священник Тверитин посеял сначала несколько зерен ячменя, а в 1855 году, ввиду удавшегося опыта с огородным посевом, он рассчитал 1/2 десятины от леса и 15 мая посеял шесть пудов ячменя, около 15 августа ячмень созрел. Урожай составил 120 пудов.

В последующие годы Тверитин увеличивал площадь посева и довел до 7 десятин, и всегда урожай был хороший. В 1864 году рожь поспела так рано, что 20 июля ее начали жать. В 1868 году урожай составил сам 10,5. В том же году и пшеница хорошо уродилась. Только в 1862 году вследствие ненастной и холодной погоды получился полный неурожай. Часть хлеба скосили на корм, часть завалило снегом.

Священник Тверитин состоял действительным членом Казанского экономического общества, и ему дарована была в потомственное владение земля в селе Юганском под названием «пустошь» в количестве 14 десятин, поступившая впоследствии в пользование местных жителей – русских и остяков.

В начале XX века практиковались посевы злаковых культур в приобских деревнях Сургутского уезда новоселами из хлебобородных мест. В 1912 году крестьянин Тобольского уезда Ефим Кичеров на Покурской пароходной пристани сеял пять фунтов ржи, снял 20 августа 35 фунтов. Крестьянин Кетской волости Томского уезда Иван Волков на Мелипугольской пристани Лумпокольской управы посеял около своего дома 12 мая полпуда ячменя, собрал в конце августа четыре пуда. Крестьянин Ишимского уезда Пинигин на пароходной пристани Сытомино Тундринской волости тоже сеял, но урожай собрать не удалось – посев уничтожили зайцы.

Опыты земледелия проводились и в Березовском уезде, как в самом Березове, так и в зырянских селах. В селе Саранпауль зыряне с давних пор сеяли на своих огородах ячмень и получали неплохие урожаи. В феврале 1908 года А.А.Дунин-Горкавич отправил в Саранпауль пять пудов семенного ячменя, который раздали по семьям, посеяли в огородах на площади 625 кв. саж. Урожай оказался хорошим, снято 60 пудов, что составляет сам 12.

Удачные посевы ячменя оказывались и в селениях Щекуринском по реке Ляпин, и в Няксимвольском по реке Сосьва. В 1911 году сеяли ячмень в поселке Шайтанский Мыс на левом берегу Сосьвы в 30 верстах от Березова. Тогда с 20 фунтов собрали 4 пуда.

В последующие годы в Сургутском уезде пробные посевы мелкими партиями проводились в нескольких приобских деревнях.

НАДЕЖДЫ СЕВЕРА

По зимнику и по воде

Грунтовых дорог на Севере нет. Сообщение осуществляется зимой на лошадях по магистрали реки Оби от юрт Мурасовых Лумпокольской управы на границе с Томской губернией до города Березово, а далее до Обдорска на лошадях и оленях. На лошадях же было сообщение по Ваховскому тракту от юрт Нижневартовских до Охтеурьевских и по Юганскому тракту от Сургута до села Юганское. Во всех других местностях сообщение между населенными пунктами осуществлялось на оленях и собаках. Оленьи пути существовали еще от Обдорска на Ижму Архангельской губернии и от Березова по Сосьве в Пермскую губернию.

Ввиду узких дорог лошадей запрягали в повозку «гусем» по две-три, редко по четыре, т.е. одну за другой по прямой линии. В упряжке из трех-четырех лошадей на первую садился кучер (ямщик) для направления.

Летом сообщение осуществлялось по рекам на пароходах и лодках, но регулярного по расписанию (то есть срочного) судоходства не было. Частные пароходы рейсировали до Обдорска в низовьях Оби, главным образом по обслуживанию рыбных промыслов.

От Тюмени до Барнаула рейсировали пароходы Товарищества Западно-Сибирского пароходства, но они шли всегда загруженными в конечных пунктах, попутных грузов не брали, так что на пристанях грузы лежали месяцами, часто портились.

За неопределенностью продвижения пароходов, отсутствием расписания и телеграфа (он проведен от Самарова до Сургута только в 1913 году) пассажирам приходилось сидеть на пристанях в полном неведении по неделе и более.

Сообщение на лодках представляло наибольшие неудобства, особенно при весенних разливах реки Обь, затопляющих низменные берега и луга, называемые сорами, на необъятных пространствах. При сильных весенних ветрах движение на лодках приостанавливалось на несколько дней. А если в пути застигала буря, то единственным спасением было причаливание и закрепление лодки в затопленных береговых кустах и тальниках.

В 1905 году в Березовском уезде установлено было земское и почтовое, субсидированное казной, пароходство. В Сургутском же уезде почта доставлялась на проходящих между Томском и Тобольском грузо-пассажирских пароходах. Земская гоньба отбывалась на лодках и некоторое время на арендованном у частного владельца катере.

В 1915 году был предварительно решен вопрос об аренде парохода для земского сообщения в пределах Сургутского уезда по реке Обь от границы Томской губернии (юрты Мурасы) до села Селияровского Тобольского уезда и по реке Вах до села Ларьякское и Югану до села Юганское, но это намерение не было осуществлено по причине отказа пароходовладельцев.

С начала XX века в Тобольске и Тюмени в сибирской прессе и в ученых кругах горячо обсуждался вопрос о строительстве железной дороги на Север, однако главными транспортными путями оставались реки Иртыш и Обь.

В 1913 году в Тобольске на одном из совещаний по строительству железной дороги с участием депутата Государственной Думы Суханова обсуждался также вопрос об улучшении сообщения с Севером. На совещании выяснилось, что на Сургутской пристани в ожидании отправки лежит более 100 тысяч пудов грузов, кроме того, много грузов скопилось на других пристанях в пределах уезда, и лежат они по два месяца. Присутствующему на совещании представителю Западно-Сибирского пароходства Корнилову было предложено связать Сургут регулярными рейсами и оказать содействие в вывозке грузов. На что Корнилов откровенно заявил, что их интересуют не нужды населения, а миллионные грузы, что пароходство перевозит за навигацию 30 миллионов пудов. Вот если бы Сургут имел миллион пудов, то был бы другой разговор, а 100 тысяч – какой это груз.

Огромное значение в экономической жизни Севера имеет морской торговый путь. Со времени большой Северной экспедиции 1733-1743 годов через 130 лет английский капитан Биггинсон и шведский профессор Норденшельд в середине 70-х годов XIX столетия установили возможность сообщения с иностранными портами через Карское море, в котором в отдельные годы встречается мало льдов, и оно бывает доступно для плавания. Эта возможность подтверждена была несколькими экспедициями к устьям рек Обь и Енисей, снаряженными от Академии наук, от Общества содействия русскому торговому мореходству и русской промышленности, и от Министерства финансов.

С 1878 до 1898 года разрешался на короткие сроки беспошлинный ввоз товаров в устья Енисея и Оби. Так завязались торговые сношения англичан.

Для оживления Севера, подъема и развития местной промышленной жизни необходимо было именно порто-франко, и не краткие разрешения (на 3-5 лет), а на более длительное время, и этот вопрос одно время оживленно разрабатывался сибирской пресой и Государственной Думой. Но правительство, которому было заявлено об этом, сначала выдало разрешение на порто-франко, а потом в угоду Крестовникову (сибирскому фабриканту) и другим представителям сибирского капитала это разрешение отменило, и на английские товары, доставляемые морским путем, была наложена пошлина.

Вследствие успехов иностранцев в плавании Северным морским путем, сибирские купцы тоже сделали попытку отправки в 1897 году в числе иностранных товаров в Сибирь кирпичного чая из Ханькоу через Лондон и Карское море в устья Оби и Енисея в количестве 154 000 пудов, и попытка эта оказалась удачной. Английской фирмой «Поппам» груз чая доставлен так скоро, что чай даже в Тюмени появился через четыре месяца, тогда как старым монгольским путем для этого требовалось до двух лет. Затем, в 1899 году, та же транспортная контора «Поппам» снарядила товарную экспедицию в Сибирь, но она оказалась неудачной, вернулась обратно в Англию, не пройдя в Карское море через проливы, забитые льдами.

В числе вернувшихся тогда в Англию товаров было также много кирпичного чая. Московские чаоторговцы просили раз-

решение у Министерства финансов на провоз его с другими товарами в Сибирь по железной дороге, но разрешение не получили, и чай был отправлен обратно в Ханькоу, откуда монгольским путем через Кяхту и Иркутск направлен в Сибирь, и только на третий год попал на сибирские рынки.

В 1899 году из Тобольска была направлена пароходными компаниями Корнилова и Плотникова торговая экспедиция с грузом 200 000 пудов пшеницы для обмена на заграничные товары. Обмен при встрече судов прошел благополучно. Из Англии получены чай, рис, олово, жезь, гарпиус, машинные вещи, всего около 300 000 пудов.

В сентябре из Лондона в Екатеринбург поступила телеграмма с извещением о том, что из пяти кораблей, ходивших в ту навигацию к берегам Сибири с заграничными товарами, один корабль отстал и в фиордах у берегов Норвегии, наскочив на подводный камень, затонул с грузом.

Крушения и аварии терпели и речные суда. В 1879 году отправлены были в море для обмена товаров три шхуны Трапезникова с грузом пшеницы, сала и спирта, и все погибли: одна в Обской губе, две в Карском заливе. В Обской губе погиб и пароход «Луиза».

Суда гибли по причине неимения в то время морских карт и наблюдательных знаков, отсутствия перегрузочных баз и портового оборудования.

Лишь в советское время Северный морской путь стал более безопасным. Составлены морские карты, на трассах арктических морей устроено навигационное оборудование, радиостанции, авиабазы, маяки, метеостанции.

Обь-Енисейский канал

В соседнем с Обским Севером Нарымском крае существовал Обь-Енисейский канал. *(На современной карте он обозначен на границе Томской области и Красноярского края на водоразделе рек Кеть и Кас. – Ф.П.).* Канал построен в конце XIX столетия с целью установления сплошного водного пути от Урала до Китайской границы. Проект оказался неудачным, и канал был заброшен.

Инициатором строительства являлся енисейский купец Фунтусов. Он выбрал направление канала по такому пути: из реки

Обь в реки Кеть, Озерная, Ломоватая, Язевая, озеро Большое, реки Малый Кас, Большой Кас, Енисей. По этому пути Фунтусов первый и приступил к рытью канала. Хотя его работа на первых порах и не достигла желаемого результата, но им был прокопан канал длиной восемь верст. После Фунтусова капитан Сиденсер ходатайствовал о разрешении ему организовать акционерное общество для постройки канала, но в этом правительство ему отказало.

Затем намеревался осуществить эту идею известный энергичный деятель Севера, много лет работавший над решением вопроса о морском пути из Сибири в Европу, Сидоров.

М.К.Сидоров обладал большими денежными средствами и просил Восточно-Сибирское губернаторство разрешить ему провести канал без всякого пособия от казны, но ему ответили: «Если бы канал был нужен, то он сделан был бы и без Сидорова, а так как канал не нужен и проведение его на Севере решительно невозможно, то в просьбе Сидорову отказать».

Однако впоследствии (в 1883 году) к строительству канала приступило правительство. Работы тянулись много лет при плохом качестве. Канал был пригоден только для мелководных судов и со временем заброшен.

В 1927 году Красноярская рыбохозяйственная станция произвела обследование водораздела между Обью и Енисеем и выяснила, что канал окончательно пришел к разрушению. Шлюзы не действовали, деревянные гидротехнические сооружения сгнили, железные части растасканы, образовавшиеся местами лесные завалы заросли травой, забиты плавником, так что этот водный путь стал совершенно непригодным для судоходства.

Упомянутым предпринимателем и исследователем Севера проектировалось еще соединение бассейна Оби с бассейном Печоры и проводились исследования удобных перевалов через Северный Урал, продолженные потом Сибиряковым и Голохвастовым. По исследованию Сибирякова, оказывалось, что сообщение между Обью и Печорой удобнее всего организовать по волокам Щугорскому и Сосьвинскому. Первый волок находится между Ляпиным (приток Северной Сосьвы) и Щугором (приток Печоры) протяжением 200 верст. Сосьвинский волок между Обью и Печорой находится между селом Нясимволем и селом Троицко-Печорским на Печоре, его протяженность 300 верст.

Жители Ляпина с давних пор отправляли по Щугорскому пе-

ревалу на Печору зимой на оленях рыбу, олени шкуры, а печорские зыряне по этому же волоку ездили на Обь через Ляпин для закупки этих товаров.

Из Ляпина была устроена дорога через Няксиволь на Лозьву и в Ивдель, куда березовские остяки постоянно ездили зимой на оленях с рыбой, мясом, шкурами.

Этот путь мог бы связать район Сосьвы сухопутным сообщением с уральскими заводами и выйти таким образом к Пермской железной дороге.

Кое-что о железной дороге

В целях оживления богатейшего Низового края с давнего времени проектировалось соединение железнодорожным путем города Тобольска с имперской железнодорожной сетью, к которому Среднее и Нижнее Приобье тяготеет экономически. Тобольским городским управлением в течение многих лет велись безуспешные ходатайства перед Комиссией о новых дорогах, перед Министерством путей сообщения и Министерством финансов, уполномочивались для этого тобольские депутаты Государственной Думы и другие лица.

Было разработано два варианта: Тавда–Тобольск и Тюмень–Тобольск. Оппонентом по этим проектам выступил инженер Адрианов. Он составил записку на основании рекогносцировочных изысканий, произведенных в 1905 году. Кроме вариантов: по левому берегу Тобола с пересечением рек Туры и Тавды и по правому берегу Тобола с пересечением рек Туры и Тобола и Иевлевой пристани, он предложил новое направление от станции Тобол (Ялуторовск) до Тобольска. Длина этой ветки 188 верст, и Адрианов считал этот вариант более выгодным во многих отношениях. Строитель Тюмень–Омской железной дороги инженер Беер также был сторонником этого варианта, как наиболее удобного и дешевого.

Тавдинский вариант считался невыгодным и нецелесообразным для оживления Севера. На всем протяжении 180 верст дорога проходит по сплошным болотам, тогда как по Ялуторовскому варианту дорога пройдет по ровной сухой местности.

Однако впоследствии, уже в советское время, предпочтение склонялось в сторону Тавдинского варианта: предполагалось по смешанному водно-железнодорожному пути перевозить

огромное количество грузов (уголь, металл, лес, рыба, хлеб) по маршруту Урал – Кузбасс и частично оживить Север, связать промышленный Юг с Северным морским путем.

Помимо Ялуторовского и Тавдинского вариантов, возникал проект линии Петропавловск – Ишим – Тобольск. В этом варианте были заинтересованы другие города, расположенные в Обь-Иртышской системе. С государственной точки зрения соединение Тобольска с Югом признавалось более важным, чем соединение с Севером. Однако ни один из этих проектов не осуществился.

Взамен железной дороги Тюмень выдвигала проект шлюзования реки Тура ввиду ее мелководия, о чем долго велись споры Тобольска с Тюменью. Шлюзование было выгодно пароходчикам и компании по строительству шлюзов. Даже предполагалось ассигновать пять миллионов рублей.

Гидротехнические сооружения и расчистка перекатов проводились и раньше, но обмеление продолжалось на всем протяжении, условия судоходства ухудшались. Это был важный аргумент в пользу строительства железной дороги.

Предполагалось, что и в Березовском уезде будет строительство железной дороги, где с 1900 года инженер Гетте проводил изыскания от Обдорска до Белковской губы с перевалом через Урал в 90 верстах от Обдорска и в 300 верстах от Белковской губы, в местности, называемой Санго-Ма. Однако выяснилось, что направление линии намечено неудачно.

Экспедиции и исследования

В 1876 году Академией наук был командирован консерватор зоологического отделения И.С.Поляков для обследования Тобольского Севера и положения рабочих на рыбопромысловых заведениях. В составленной им книге «Путешествие в долину Оби» описана ужасная эксплуатация рабочих рыбопромышленниками.

В 1876 году состоялась экспедиция от «Общества для содействия русской торговле и промышленности» в составе Матвеева, Орлова и Васильева для исследования водного и сухопутного пути из Байдарацкой губы на реку Обь через перешеек полуострова Ямал.

В 1876-1877 годах в низовья реки Обь была снаряжена экспедиция членами «Общества для содействия русскому торговому мореплаванию» Сибиряковым, Трапезниковым и другими.

В 1879 году исследование северных тундр между Обской губой и Сургутом производил член-сотрудник Западно-Сибирского отдела Русского географического общества Н.К.Хондажевский. Им была составлена карта пройденного пути в зиму 1879 года. *(Один экземпляр карты с маршрутом Хондажевского, отпечатанный на картографической фабрике, хранился в моем личном архиве. Передан Сургутскому краеведческому музею. – Ф.П.).*

В середине 90-х годов нужды населения Тобольского Севера изучал профессор А.И.Якобий. Вот как описывается его путешествие: «Настает ночь, все укладываются спать (ногами к костру), и костер потухает. Наступает тишина. Слышно только, как хрустит снег, когда переворачиваешься. Иногда случается, что олень подойдет к чуму и разроет около вас снег, и вы почувствуете, как пробегают мимо головы морозный ветерок, закладываете это место чем-нибудь из одежды и снова стараетесь заснуть, а через верхнее отверстие чума смотрят яркие звезды. При наступлении утра костер снова разжигают и пьют чай, пригоняют при помощи собак оленей из лесу, запрягают их, разбирают чум, укладывают по нартам и снова в путь».

Транспорт Якобия состоял из 22 нарт, на которых размещались путники-самоеды: вожатый с семьей и другие с принадлежностями чума, со всеми вещами и провизией. Всего в запряжке было 54 оленя, а 30 оленей бежали на свободе, на всякий случай.

Поездка продолжалась с половины ноября до половины декабря 1895 года.

В своих докладах в Тобольске Якобий сообщал, что цель его 32-дневного путешествия достигнута, и он нашел самый северный кедр – явное доказательство того, что эта местность должна быть пригодна для миссионерского стана в том виде, как было предложено, т.е. с хозяйственным устройством. «Кедр, которого я так искал и о котором у нас велись такие длинные речи длинными вечерами у потухающего костра во время пути», свидетельствует, что в среднем и верхнем течении Надыма есть прекрасные высококачественные леса кедра, сосны, ели, лиственницы. При этом Якобий подчеркивал, что «поездка в страну Надыма имеет значение не только для решения вопроса о месте миссионерского стана, но и для изучения страны Севера и для исследования об угасании инородческих племен Севера – главных предметов моих настоящих занятий».

Перед поездкой в Надым Якобий, по его описанию, старался разузнать что-нибудь об этой стране. Через расспросы бывавших там людей и от одного северянина (Мамаев – спутник Хондажевского) он узнал, что Надым – лесное место, веселое, место теплее Обдорска, в половине июня трава выше четверти, от лугов веет теплый ветерок, поют мелкие птички.

Надымской страной были заинтересованы Тобольский музей и Общество изучения края, при котором в советское время была организована экспедиция для обследования бассейна реки Надым, имеющего благоприятные климатические и почвенные условия с большими удобствами для рыболовства, звероловства, сплава леса к Обской губе и вывоза лесных материалов за границу, а также и для развития скотоводства.

По описанию Виктора Бартенева, пробывшего в политической ссылке в Обдорске четыре года, А.И.Якобий производил энергичные исследования, во всех его словах и действиях сквозила горячая любовь к туземцам, желание понять и защитить их. Посещая юрты остяцкой бедноты, он раздавал детям подарки (игрушки), ласкал их. Расспрашивал о всех нуждах, вникая в мельчайшие подробности, и туземцы очень полюбили его. «В остяцкой юрте профессор как бы олицетворял собой первый луч света той могучей и далекой цивилизации, которая до сих пор так мало доброго принесла дикарям». В лице профессора Якобия туземцы встретили одного из представителей той идейной, гуманной и самоотверженной части русского общества, которая живет любовью к родине на основе общечеловеческих идеалов. И туземцы по-своему оценили этого представителя русской интеллигенции: они относились к нему с доверчивой любовью и уважением и прозвали его вуул-хой (большой человек).

Исследуя Березовский край, Якобий посетил живущих в Казыме остяков, где пробыл три дня. По его описанию, юрты там очень хороши, в них чисто и удобно при огне чучала, и казымцы не давали признаков угасания.

1909 год. Состоялась экспедиция на полуостров Ямал под начальством приват-доцента Московского университета Бориса Михайловича Житкова по поручению Русского Географического Общества. Спутниками Житкова были ассистент сельскохозяйственного института Филатов, топограф Введенский, крестьянин Кудрин, священник Мартиниан и шесть туземцев. Цель экспедиции – исследование быта, условий жизни и фольк-

лора каменных самоедов. Для экспедиции было подготовлено до 500 оленей, и обоз состоял из 70 грузовых нарт. О своей экспедиции Житков сделал доклад на заседании Московского общества любителей естествознания и его геологического отделения. Доклад сопровождался демонстрацией диапозитивов. Этнографическую коллекцию Житков передал в дар Антропологическому музею Московского университета.

1912 год. Состоялись экспедиции по инициативе Тобольского губернского музея при поддержке столичных научных учреждений – Академии наук и Петербургского Ботанического Сада в Сургутский уезд по реке Вах в составе Б.Н.Городкова и учителя Ларьякской школы Дмитриева-Садовникова, а также березовского уездного ботаника Поллэ, командированного Ботаническим садом на р.Казым.

Городковым, кроме того, в 1912-1913 годах совершены поездки в бассейны рек Конда и Салым, составлен этнографический очерк «Река Конда», а о второй поездке помещена статья в Ежегоднике Тобольского губернского музея (выпуск XXI, 1913 год).

1913 год. Летом производились исследования в долине реки Щучья Обдорского края И.Н.Шуховым по поручению Зоологического музея Академии наук и при содействии Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества и Тобольского губернского музея. На карту реки Щучья нанесены новые острова и зимовки русских, произведена маршрутная съемка от правого берега реки Щучья к Уралу. Собраны коллекции: по археологии – 35 предметов, антропологии – 3 черепа, этнографии – 42 предмета, зоологии – 80 видов птицы, 10 видов млекопитающих, несколько экземпляров рыб; по ботанике – гербарий тундровых растений более 100 видов, по геологии – образцы минералов из осыпей реки Щучья. Все коллекции переданы в музеи – Зоологический Академии наук, Тобольский и Омский.

В 1911 и 1912 годах И.Н.Шухов ездил на Север по поручению Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества для сбора коллекции птиц. В 1914 году им же производились исследования условий жизни казымских остяков.

На лето 1913 года командирован был в Сургутский уезд Советом Томского университета доктор медицины Сергей Михайлович Чугунов (ассистент при кафедре зоологии университета) для зоологических сборов.

В качестве сотрудников по коллекционированию у Чугунова

были студент Петербургского политехнического института В.А.Зайцев и сургутянин А.Я.Кушников. В течение месяца совершались экскурсии по окрестностям Сургута в лодке и пешком по речке Сайма и прилегающей к ней тайге, по тайге – на Средний и Черный Мыс, на Барсову гору – высокий правый берег Обской поймы, на острова по речке Утопляя, на Тюменский остров, на Каменный Мыс, возвышающийся саженью на 12 над уровнем воды, расположенный на правом берегу Обской поймы на обширном таежном Юганском материке, и далее на село Юганское в 65 верстах от Сургута. За все указанные экскурсии Чугуновым собран зоологический материал в количестве около 2600 предметов, в том числе черепа бурого медведя, белого песка, лисицы, рыси, россомахи, выдры и других млекопитающих, шкурки зверей и птиц, рога оленя, бивень мамонта. Кроме того, гербарий из 112 видов цветковых растений, а также образцы минералов.

Доктором Чугуновым еще в 1890 году летом производился сбор материалов в том же Сургутском уезде по антропологии и этнографии по поручению Совета Томского университета. Отчет об этом помещен в «Известиях» университета в 1893 году и в «Сибирском Вестнике» 1890 года (№№85,88,90) и в Русском Антропологическом журнале 1905 года (№№3-4).

Большое внимание уделялось изучению Северного Урала и берегов Карского моря. С этой целью была организована на средства братьев Кузнецовых большая экспедиция на Северный Урал от Академии наук, Географического общества, Гидрографического управления Морского Министерства и Московского общества любителей естествознания и этнографии.

Задача экспедиции – дать точную карту и разностороннее, вполне научное описание местности по восточному склону Урала, реки Кара, Югорского шара и берега Карского моря до Байдацкой губы.

В этой местности и летом передвижение осуществляется на оленях, поэтому для экспедиции, в составе которой было более десяти научных работников, подготавливалось до 600 оленей.

Рассказ об исследователях и исследованиях Северо-Западной Сибири будет неполным, если мы не назовем имя выдающегося сибиряка Александра Александровича Дунина-Горкавича, действительного члена Русского Географического Общества и Общества Судостроения. Дунин-Горкавич собрал богатый ма-

териал по этнографии, лингвистике, природе, торгово-промышленной деятельности, сельскому хозяйству. Составил русско-остяцко-самоедский практический словарь наиболее употребительных слов по антропологии, промыслам, верованиям, обычаям и пр. Он оставил потомкам несколько обстоятельных, хорошо аргументированных научных трудов: «Север Тобольской губернии», «Географический очерк Тобольского Севера», «Очерк народностей Севера с картами распределения их», «Нужды Тобольского Севера и меры для их удовлетворения», а также памятные книжки Тобольской губернии и приложения к ним за 1908, 1911, 1912 годы.

В связи с антисанитарными условиями на рыбопромышленных заведениях в низовьях реки Оби и кабальными формами эксплуатации промысловых рабочих для осмотра этих заведений и обследования положения рабочих совершали поездки на Крайний Север генерал Томич с помощником врачебного инспектора доктором Афонским, врачи Дунаев, Почтарев и другие. Однако изменений на промыслах не происходило и положение рабочих не улучшилось.

Иностранцы изучают

В 1892 году шведский ученый от Академии наук в Стокгольме Фридерик Роберт Мартин предпринял ученое путешествие по Западной Сибири. Он производил этнографические и археологические исследования в местности Барсов Мыс в 10 верстах от Сургута. *(Результаты археологических исследований опубликованы в 1935 г. в Стокгольме на немецком языке Т.Арне. – Ф.П.).*

В 1898-1899 годах в Березовском уезде производились исследования венгерским лингвистом, профессором Йожефом Папай, членом экспедиции графа Зичи. Он занимался изучением остяцкого языка, собиранием былин, различных верований и вообще всего того, что касается мифологии и культуры остяков. Папай составил грамматику и словарь остяцкого языка, записал много песен, легенд и древних сказаний (народный эпос), приобрел коллекции религиозных культовых принадлежностей.

В 1899-1900 годах совершил поездки по Сургутскому уезду по реке Вах, в Березовском уезде по реке Сосьва и приобским селениям магистр философии Уно Тави Сирелиус, командированный в Сибирь Гельсингфорским этнографическим музеем. Он

тоже занимался изучением остяцких наречий, промыслов, быта туземцев.

В Тобольске, при посещении губернского музея, он заинтересовался богатой коллекцией национальных костюмов, предметов домашнего обихода, украшенных орнаментами и узорами. Получив разрешение от консерватора музея Н.П.Скалозубова, Сирелиус пересмотрел всю коллекцию с фотографированием, зарисовыванием, снятием выкроек.

В 1902-1903 годах производил исследования быта туземцев в Сургутском и Березовском уездах и по реке Конда финский лингвист, магистр философии Густав Карьялайнен, командированный Финно-Угорским Обществом в Гельсингфорсе. Он также составил словари остяцкого и самоедского наречий, издал книгу о кондинских туземцах.

В 1911 году в Сургуте побывал директор Парижского Коммерческого Географического Общества Пауль (Поль) Лаббе с целью изучения быта остяков, но больше всего, как он говорил тогда при встрече с корреспондентом «Сибирской газеты» во время остановки в Петербурге, его интересует шаманизм. *(Письмо П.Лаббе Г.А.Пирожникову на русском языке хранится в моем личном архиве в деле «Архив Пирожникова». – Ф.П.).*

Этот французский путешественник приезжал тогда с экспедицией в Сибирь, которая давно была знакома ему по прежним поездкам. «Четвертый раз еду в сказочную Сибирь. В целом мире не найдешь страны более богатой и более интересной. Там столько интереснейших и очаровательнейших мест... Теперь я знаю Сибирь не хуже ваших географов. Путешествовал по Сибири всеми способами – от железных дорог до езды на собаках и оленях. Обошел пешком массу захолустных мест и везде находил радушный прием и желание оказывать содействие скромному путешественнику. За мои странствия по Сибири накопилось много коллекций, которые я вручил Национальному Музею в Париже. На Всемирной выставке в 1900 году мною был устроен особый отдел, посвященный Сибири. На основании добытых в Сибири материалов, пользуясь ими для иллюстраций, я прочел в Париже и других французских городах массу лекций о Сибири и ее богатствах. После девяти лет разлуки я снова возвращаюсь в Сибирь».

Посетив на этот раз только подгородные юрты, Лаббе скоро выехал из Сургута, попросив выслать ему остяцкий череп, ко-

торый ему переправили в Париж через Генерального консула в Москве.

В 1913 году, в марте, в село Ларьякское Сургутского уезда прибыл на оленях из Туруханского края с тунгусом и несколькими остяками магистр философии Кай Рейнгольд Доннер, командированный Финно-Угорским Обществом в Гельсингфорсе для лингвистических и этнографических исследований среди туземцев в Енисейской, Томской и Тобольской губерниях.

Вот как описывал приезд этого путешественника учитель села Ларьякское Дмитриев-Садовников как корреспондент газеты «Сибирский листок»: «Приехал в село тунгус тунгусом. Так же, как и тунгус, вытащил из-за пазухи несколько горностаев и начал через переводчика торговаться с торговцем. Цена подходящая – продает, покупает, иногда объясняясь и сам то по-тазовски (язык тазовских остяков), то знаками. «По-русски знаешь?» – спрашивают его. Только головой мотает. «Да лицо-то у тебя русское, и вопрос понимаешь, чего скрываешься?» – убеждают его. То же мотание головой. Спрашивают у тунгуса и у остяка, где такого нашли. Но и те говорят, что это тунгус. По заведенному порядку приезжих поят чаем. Уселся и он к самовару, сначала на пол, неумело свернув калачиком ноги, потом, когда предложили, – на стул. Сначала попробовал булки, потом напал на хлеб. И как ведь ел! Выпили один самовар, принялись за другой. От первого торговца пошли к другому, и там – за торговлю и за еду. Наевшись, Доннер сразу же оказался знающим русский язык. «Господа, – говорит, – извините, но мне уже стыдно скрываться», – и подает свою карточку. Оказалось, что они уже несколько дней почти ничего не ели, да и до этого приходилось плохо. «Пропавшего оленя кушали», – пояснял он.

Доннер занимался всеобщим изучением края и изучением наречий остяков.

Кроме упомянутых выше ученых, изучением Севера занимались финские лингвисты Кастрен и доктор Альквист.

Матиас Александр Кастрен, знаменитый лингвист, был в Обдорске в конце 1843 года. Его труды, по свидетельству историка литературы А.Н.Пыпина, в этнографическом отношении являлись по своему значению весьма важными и представляли высокий научный авторитет.

При посещении Обдорска Кастрен выражал глубокое сожаление о положении туземцев и возмущался в то же время рус-

скими, жившими наподобие остяков, питавшимися сырой рыбой, носившими остяцкую одежду, утратившими русскую культуру, отмечая при этом грубое отношение к ученому и жестокую эксплуатацию аборигенов.

Кастрен глубоко изучил языки и наречия местных народов, издал грамматики остяцкого и зырянского языков.

В 1876 году посетили Обдорск естествоиспытатели доктора Брэм и Финш. Результатом изучения ими Западной Сибири явился капитальный труд «Путешествие в Западную Сибирь». *(Читатель обратил, наверное, внимание на то, что экспедиции, организованные русскими учеными и промышленниками, носили практический характер: изучение природных богатств, возможностей развития промышленности, транспорта, земледелия. Экспедиции европейских ученых носили, в основном, научный характер. – Ф.П.)*

Экспонаты Севера

В 1911 году в Омске проходила первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная и промышленная выставка. Для экспонирования на этой выставке Тобольский губернский музей приобрел богатую коллекцию вещей и предметов, характеризующих домашний быт и промыслово-хозяйственную деятельность туземцев Тобольского Севера.

После закрытия выставки экспонаты возвращены в музей, как собственность, на постоянное хранение.

Экспонаты были систематизированы и классифицированы по следующим разделам:

1. Полный набор верхних мужских и женских меховых одежд, головных уборов и обуви зимней и летней.

2. Набор образцов национального шитья мелких вещей (сумок, рукавиц и др.), образцов сырья для их изготовления (шкур с ног и лба оленя, оленья борода и др.).

3. Набор принадлежностей для шитья меховой одежды, обуви, головных уборов: различные костяные иглы, нитки из оленьих и лосиных сухожилий, шилья костяные, ножи, игольники.

4. Образцы крашеной кожи, краски, сырье для изготовления краски (кора лиственницы, ольхи, березы и пр. и пр.).

5. Изделия из рогов и костей оленя и лося, образцы различного клея домашнего изготовления.

6. Выделанные шкуры оленя, песца, выдры, белки и других пушных зверей, фрагменты их применения при шитье одежды для ее украшения, орудия и приспособления для выделки шкур.

7. Мелкие изделия из кости мамонта и современных животных и птиц.

8. Образцы крапивного холста, изделия из него (рубашка женская с вышитыми узорами), рыболовных сетей из крапивной пряжи, различные веревки из крапивной кудели, образцы орудий и принадлежностей для обработки крапивы: мялки, чесалки, прялки, ткацкие приспособления.

9. Образцы художественного литья из олова, бисера, бус, бубенчиков, лапок мелких зверюшек, предназначенных для украшения женской праздничной одежды.

10. Изделия из рыбьей кожи: налима, стерляди, осетра.

11. Образцы тканой и плетеной тесьмы, орудий и материалов для ее изготовления.

Ниже следует подробное наименование изделий и первичных материалов с указанием места приобретения.

Женские шапки из меха россомахи, выдры, кусочков оленьей шкуры, украшенные хвостами песцов, шкурками с лап глухаря, с шеек гагары, а также бисером, бусами, сукном разного цвета, медными подвесками. Село Обдорск Березовского уезда. Юрты Ивашкины и Ганжеевы Локосовской управы Сургутского уезда.

Ягушка – женская верхняя зимняя одежда из шкуры неплюя (молодой олень), подбитая шкурками лебедя с пухом. Ворот, подол, полы, концы рукавов опушены песцовыми хвостами и мехом выдры, украшены меховым узором из шкуры неплюя и сукном разных цветов. Обдорская тундра. Юрты Кантеровы по реке Пим Тундринской управы Сургутского уезда.

Женские кафтаны из зеленого сукна, подбитые мехом из гадючьих шеек, подол мехом оленя. Воротник сшит из красного сукна и беличьих лапок, опушка из меха выдры, полы, подол, обшлага рукавов украшены бисером и оловянными отливками. Юрты Кантеровы Тундринской управы, кочевье с реки Тром-Аган Локосовской управы Сургутского уезда.

Женские халаты, летний праздничный наряд, сшитые из кумача, красной бумазеи, красного малескина, украшенные бисером, нанизанным на нитки сухожилий, узорами – аппликациями из цветных бумажных тканей. Юрты Карымкары и Алешкины Березовского уезда, юрты Кантеровы Сургутского уезда.

Женские рубашки из кумача и из желтого сатина, украшенные бисером, бусами, пуговками и оловянными отливками, подол и рукава украшены полосками ситца разных цветов: красного, черного, зеленого, оранжевого, белого, синего. Юрты Карымкары Березовского уезда, юрты Кантеровы Сургутского уезда.

Рубашка женская из крапивного холста («Ирнас»). Грудь вышита синими шерстяными нитками, красным гарусом, фабричными нитками красного цвета. Плечи и рукава вышиты домашними шерстяными нитками, узор «руть-ханч» (русский узор). Юрты Летне-Пуштинские (река Конда).

Шабур из крапивного холста («Сукман»). Обшит вокруг по вороту, подолу и рукавам бумажной черной и серой материей. Юрты Красноярские (река Конда).

Шали – праздничный головной убор, шелковые, из бумажных и шерстяных ниток, украшенные подвесками из бус и бисера, колец, медных и жестяных пластинок, длинными кистями из суровых ниток, узорами из ниток золотистого и серебристого цвета. Юрты Больше-Атлымские и Карымкары, село Обдорск Березовского уезда.

Малицы – мужская верхняя одежда, сшитая из выделанных оленьих шкур мехом внутрь с головным убором (капюшоном). Парки – мужская одежда, надеваемая поверх малицы, сшитая из шкур неплюя. Гусь – мужская зимняя одежда, сшитая из шкур белых оленей, с головным убором, обшитым хвостами белых песцов, и обшитыми красным сукном обшлагами рукавов. Юрты Карымкары Кодской управы, юрты Собские Обдорской управы, село Обдорск Березовского уезда.

Колег – верхняя мужская одежда, сшитая из оленьих шкур, украшенная полосками из черной материи. Полы и подол украшены бисером. Река Вах Сургутского уезда.

Женская зимняя обувь «кисы» и чулки к ним, «чижи». Кисы сшиты из шкур с оленьих ног, подошвы – из кожи со лба оленя, украшены оленьим мехом разных цветов и прокладками из красного, зеленого, желтого и синего сукна. Село Обдорск Березовского уезда.

Чирки женские (легкая обувь, наподобие башмаков), украшенные бисером. Детские башмачки из кожи осетра с украшениями. Мужская рубаха с украшениями. Приобретены в разных местах.

Рукавицы из шкур оленя и выдры. Одна пара украшена коричневым узором и вышивкой белой строчкой, волосами из оленьей

бороды. Вершина реки Юган, юрты Сайгатины Тундринской управы Сургутского уезда.

Шейно-грудные женские уборы к праздничному наряду с разнообразными украшениями и узорами с типичным остяцким «ханда-ханч», с силуэтами птиц и зверей. Юрты Красноярские, Летне-Пуштинские, село Болчаровское на реке Конда.

Воротники – украшения нарядного костюма, надеваемые на шею, прикрепляемые к рубашам, кофтам, обычно украшенные бисером ярких цветов. Юрты Красноярские и Летне-Пуштинские на реке Конда.

Женские пояса, связанные из шерсти красного и синего цвета, пришитые на суконную подкладку, украшенные бисером и оловянными отливками. Носятся при праздничном наряде поверх кофты, платья. Юрты по реке Конда, юрты по реке Салыму Сургутского уезда.

Свадебное украшение головы и кос остяцких женщин. Украшено оловянными отливками и разными подвесками.

Свадебное украшение головы и кос остяцких женщин, надевается на голову и спускается по спине. Образец отличается обилием украшений из бисера, бус и разнообразных материалов. Юрты Красноярские, река Конда.

Свадебное украшение головы и кос. Образец со своеобразными украшениями: оловянными отливками, подвесками из вещей археологического происхождения и пр. Город Березово.

Свадебное украшение головы и кос своеобразного устройства по сравнению с другими. Разнообразные подвески с использованием археологических предметов. Юрты Летне-Пуштинские. Река Конда.

Образцы бисерного плетения, нашиваемого на одежду. Юрты Соровые, река Салым Сургутского уезда.

Полотенце из крапивного холста с тканым узором на обоих концах. С реки Салым Сургутского уезда.

Женские рабочие сумки из оленьей кожи с украшениями для хранения принадлежностей шитья. Село Обдорск Березовского уезда.

Кошелек из шкуры выдры для хранения огнива. Приспособление для ношения топора на поясе при ходьбе в лесу, сделанное из рога оленя. Село Юган Сургутского уезда.

Литье из олова: перстни с узорными печатками, трубка для курения табака, блесны для ловли щук с залитыми в олово дву-

мя рыболовными крючками с зазубринами, с привязанными лоскутками красного сукна и оленьей шкуры с белой шерстью. Формы и сосуды для отливки оловянных украшений, камень с вырезанными на нем 4 видами форм для отливки, формы из коры осокоря. Река Юган и Аган, юрты Казымкины, Урьевы Локосовской управы Сургутского уезда.

Принадлежности для раскраивания шкур и меха при шитье из них одежды: кожи, доски, скобели. Очки для защиты глаз от блеска снега весной с прорезями, опущенными мехом и с завязками из шерстяного шнура. Делаются из кожи и других подходящих материалов. Село Обдорск Березовского уезда.

Пластинка – накладка на левую руку для защиты от удара тетивой спущенного лука. Сделана из оленьего рога, украшена резьбой. Село Ларьякское Сургутского уезда.

Мерки для пороха и дробы из костей оленя и лося, украшены резьбой. Дробовницы для запаса дробы на охоте, сшиты из кожи, с горлышком из оленьей кости и пробкой тоже из кости. Юрты Урьевы Локосовской управы Сургутского уезда.

Крюк для подвешивания детской колыбели из рога оленя. Юрты Егутские.

Женский музыкальный инструмент (домбра), играют на нем губами. Юрты Угутские Юганской управы Сургутского уезда.

Мужской музыкальный инструмент «Лебедь». Из Березовского уезда.

Пояса кожаные мужские для ношения охотничьих ножей, с пряжками для застегивания, украшенные медными бляшками. К поясу на цепочках крепятся деревянные ножны, обтянутые кожей и медными обручами. В ножны вставляются ножи. На одном поясе ручка ножа сделана из кости мамонта, на другом – деревянная, покрытая оловянной обкладкой с прорезным узором. К поясам крепятся медвежьи зубы – талисманы туземцев и кожаные кошельки. На одном поясе кошелек с оселком, на другом два кошелька, в первом – тоже оселок, во втором – древесная стружка для пыжей. Село Обдорск Березовского уезда.

Кошельки для хранения денег, табака и пр. Сшиты из хорошо выделанной покрашенной кожи оленя, с различными украшениями.

Арки (тынзян, тязян) для поимки в стаде оленей – длинные плетеные или ременные веревки. Село Обдорск Березовского уезда.

По рыбному делу представлены в музей в моделях: вары из мочальной мережи, то есть запоры, перегораживающие устья соровых речек, гимги (морды) летние и зимние, сети муксуновые и сырковые, соровые однотетивные и двухтетивные на разную рыбу, рукава с запором из соснового жильника для ловли рыбы в устьях речек и в живцах, невода из крапивной пряжи и другие рыболовные снасти, образцы веревок из кедрового корня и из таловой коры.

По звероловству в моделях: сторожевые луки на медведя, лося, волка, росوماху, лисицу, выдру, луки и стрелы для ручной охоты на белку, боровую и водоплавающую дичь, черканы и другие разнообразные приспособления и устройства.

(Все эти экспонаты, как уже сказано выше, были собраны в разное время на Севере Тюменской области. Позднее они экспонировались не только на первой Западно-Сибирской выставке в Омске. – Ф.П.).

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Сургут

Сургут построен на правом берегу реки Оби на перекресте 61,15° северной широты и 43,23° восточной долготы, огибаемый речками Бардаковкой (Сургуткой) и Саймой, на песчаной возвышенной местности. Прибрежная полоса близ церкви глубоко песчаная, нога утопает в рыхлом песке, и с трудом можно проходить по этому месту. С северо-восточной стороны город окружен хвойным лесом и болотами.

Основание Сургута, как и вообще возникновение первых русских пунктов-городков и острогов в бассейне Оби вслед за взятием столицы Сибирского хана, относится к концу XV и началу XVI веков, когда в 1594 году 19 февраля дан был царский приказ князю Федору Барятинскому и Владимиру Аничкову построить город Сургут. Цель постройки состояла в том, чтобы подчинить Московской власти Пегую Орду (Пеструю) или нарымских остяков, находившихся в то время под властью своего князя Вони, у которого еще до основания Сургута взят был в плен сын его Урунка, присылаемыми из Тобольска «годовалщиками» при сборе ясака. Этот наказ был следующий. По Указу Государя Федора Ивановича велено им «быть на службе в Сибири, вверх по Оби реки ставить город в Сургуте или в Базионской волости в Лумепуке (Лунпук), в котором месте пригоже, высмотря место крепкое, поставить город всеми ратными людьми и тамошними остяками. Да то место написать в росписи и на чертеже начертить и всякие крепости выписать, где станет город. Да отписать к Государю подлинно, как пойдут из Тобольска вниз Иртышем и вверх по Оби, и сколько будет ходу судам, чтоб Государю все было ведано».

Но упомянутые воеводы оказались бессильными в выполнении

наказа за недостаточностью бывших в их распоряжении сургутских служилых людей для похода против Воня, поэтому в следующих годах правительством принимались меры к увеличению сил. Воня только в первый год при основании Сургута прислал ясак, и то с той целью, чтобы выручить из плена своего сына Урунка.

В 1595 году первые воеводы были сменены, назначены новые – воевода Осип Плещеев и сургутский голова Иван Калемин, и при них Московским правительством назначен был в 1597 году большой военный поход (до 550 человек) против Воня ввиду отказа его от добровольного платежа ясака и полученных сведений, что Воня, имевший до 400 человек войска, и сам собирается напасть на город Сургут и уничтожить его. Но поход этот не состоялся, и лишь в следующем 1598 году сургутскому воеводе Лобанову-Ростовскому удалось подчинить Пегую Орду русской власти и построить острог Нарым.

При этом в Сургуте появилось много захваченных при походе пленных, в отношении которых Лобанову-Ростовскому из Москвы послан был такой приказ: отобрать от служилых людей всех пленных, некрещеных отослать на родину, а крещеных мужчин поверстать на службу, женок их и девок выдать замуж за служилых людей, которые захотят на них жениться. Малых ребят крещеных поверстать на службу, когда подрастут, а малых девок, когда подрастут, выдать замуж за крещеных людей, но чтобы никто не смел пленных вывозить на Русь под страхом смертной казни.

Первоначальное население Сургута состояло из прибывших вместе с первыми воеводами служилых людей ружников и оброчников, то есть духовенства, подъячных толмачей, воротников, десятника и палача в числе 150 человек. Затем с присылкою казаков, стрельцов и прочих для завоевания Пегой Орды население увеличивалось, а иногда и уменьшалось. В 1623 году всего служилых людей было 220 человек, в начале сороковых годов этого столетия числилось только около 200 человек. В уезде в конце XVI века было 10 волостей с числом ясачных людей остяков всего около 600 человек, но в 1645 году всех ясачных людей было уже 980 человек, а в 1828 году – 2330 душ.

В 1869 году жителей в Сургуте было 1144 человека, в 1872 году – 1149, в 1904 году – 1265, в 1909 году – 1359 человек.

И по населенности, и по занимаемой площади Сургут правильнее называть селом, в полчаса времени кругом можно обойти весь город.

Взимание ясака сопровождалось, как упомянуто и выше в отделе о ясаке, насилиями со стороны сборщиков и служилых людей, воеводы обращали в рабство ясачных людей и подвергали истязаниям, а не «жесточью», поэтому ясачные посылали челобитные Московскому Государю о тяжести ясака. В 1602 году поднят был бунт остяков, вызванный жестокостью воеводы Якова Барятинского, который кнутом и другими наказаниями расправлялся с остяками при сборе ясака. Бунты происходили и в последующих годах в связи со всевозможными, кроме ясака, поборами и тяжелыми повинностями – отбывания ямской гоньбы, тяги речных судов бичевой вверх по Оби и другими насильственными и самоуправными действиями служилых людей.

В Сургуте на жительстве были декабристы:

1. Шахирев, поручик Черниговского пехотного полка, первый из декабристов, поселенных в Тобольском крае, присужденный к бессрочной службе в Сибирь, сокращенной до 20 лет.

При водворении Тобольским губернатором предписано было Сургутской администрации «иметь строжайший надзор за Шахиревым (не делая ему обид), как за поведением его, так и за тем, чтобы он ни под каким видом не осмеливался отлучиться из города ни на шаг», и, кроме того, чтобы Шахирев ни с кем из сургутских граждан не имел «неблаговидной связи».

Умер Шахирев в Сургуте скоропостижно, по предположению, от паралича сердца во время нахождения на птичьем промысле весною 1828 года.

2. Василий Карлович Тизенгаузен, переведенный потом в Ялуторовск.

В 1839 году был сослан в Сургутское отделение в Ирчину волость вождь ненецкой бедноты и защитник угнетенных туземцев ненец Ваули Питтомин, роду ненянг, после суда в Березове за нападение на богатых оленеводов. Откуда он вскоре бежал и вновь делал эти набеги.

В 1905 году при первой революции высланы были в Сургут общественные деятели Тобольска А.А.Лещинский, Н.А.Ушаков – кандидат в члены Государственной Думы, В.Ф.Костюрин – политкаторжанин, В.О.Вилевский – адвокат, А.И.Степанов – кузнец, но пробыли там недолго, вскоре возвращены были из ссылки.

Потом находились в ссылке в Сургуте высланные из разных мест России политические ссыльные: Б.А.Киборт, Т.И.Миронов, К.Копачелли, Иванов, Мак, Дробышев, Матюшенко, Шапиро-Лавров,

Давидович, Яворский, Гуревич, Григоренко и другие, из них последний оказался провокатором, подосланным от департамента полиции в качестве политического ссыльного, на самом деле для наблюдений над жизнью и поведением их в ссылке и для надзора за отношением администрации к этим ссыльным. При саморазоблачении себя все политические с ненавистью и презрением отвернулись от Григоренко, и он покончил с собой самоубийством.

Политические ссыльные на Севере, как и декабристы, имели большое культурное влияние на население. Они принимали деятельное участие в устраиваемых местной интеллигенцией спектаклях. Студент Иванов занимался репетированием учащихся. Иван Иванович Каликинский, как врач, назначен был сургутским уездным врачом и заведовал местной больницей. Кроме того, политические ссыльные участвовали в научных исследованиях страны. Миронов оказывал содействие командированному в Сургутский уезд с ученой целью ассистенту при кафедре Зоологии Томского университета С.М.Чугуну и за успешно выполненную работу по доставке нескольких объектов по млекопитающим и птицам получил от этой экспедиции благодарность. Студент Кореунский с товарищами производил на свои средства археологические и геологические исследования в Тобольском районе по реке Конде, давшие большую научную ценность, и им же велись метеорологические наблюдения.

Некоторые политические ссыльные и по окончании срока ссылки оставались на жительстве в Сургуте. Ф.П.Муценек выезжал из Сургута на жительство даже в самое отдаленное село Ларьякское, где он с успехом занимался огородничеством и животноводством, ознакомив частью с этим и местных жителей, а по выезде из Ваховской местности Муценек состоял уполномоченным Тобольского Правления Северосоюза.

В.А.Герватовский, по избранию сургутян, был председателем Правления Потребсоюза. Кроме Муценека, и Миронов хорошо был знаком практически с огородничеством, которым он занимался с 1910 года в течение нескольких лет. Культивировались им всевозможные огородные растения, и все овощи произрастали хорошо. Культивировались и хлебные злаки. Для ознакомления населения с рациональными способами ведения огородной культуры в Сургуте оборудован был опытный огород, и городским управлением в 1912 году отведено было место для

него за городской чертой в 1,5 десятины земли, с предоставлением заниматься огородничеством на этом участке тому же Миронову.

В Сургуте политическими ссыльными устроена была столярная мастерская, где производились работы по изготовлению мебели для городских обывателей, работали Муценек, Мак и Мионов.

Березово

Березово расположен на левом берегу реки Сосьва на трех высоких холмах, окруженный еще и речкой Вогулка, впадающей в Сосьву, а с юго-западной стороны – хвойным лесом.

Первоначально, в 1592 году, отправленными для завоевания Севера казаками построено было укрепление (острог) Березов, получившее это название от находившейся ранее на этом месте березовой рощи и бывшего тут остяцкого городка «Сумгут-Вож», что значило «березовый городок». В следующем 1593 году построен и самый город Березово воеводой Никифором Траханиотовым.

Путь из России на север Сибири в то время лежал через ущелья Уральских гор по реке Сосьва с ее притоками. И назывался Русской Засекой.

В 1892 году 9 мая Березово праздновал 300-летний юбилей, так как основание русскому укрепленному поселению заложено в 1592 году. В тот год в Березово основателями острога, казаками, были привнесены высокочтимые святыни этого города – древние иконы Михаила Архангела и Николая Мирликийского.

Хотя Березово красиво расположен на возвышенном месте, посреди него находилось болото, не высыхающее и в летнее время, куда весной и осенью садились перелетные птицы: утки, гуси, лебеди. К провиантским складам по ночам забредали медведи, убиваемые сторожевыми казаками, а во дворы иногда заходили лоси, коих ловили арканами.

Население Березова состояло из казаков и стрельцов, посылаемых Московским правительством для «объясачивания» инородцев, и из духовенства. Впоследствии население увеличивалось за счет вольных переселенцев из мещан, купцов и прочего звания людей. Численность населения в городе: 1875 г. – 1888 чел., 1897 г. – 1071 чел., 1902 г. – 1169 чел., 1905 – 1170 чел. Ре-

визских душ во всем Березовском уезде в 1828 году во время составления окладных книг, по сведениям бывшей ясачной комиссии, числилось остяков – 6187 душ, а самоедов – 2398 душ, в 1850 году всего – 8899 душ.

В первые годы после основания Березово подвергался неоднократно нападениям со стороны туземцев – остяков, вогулов, самоедов, как главный город в низовьях Оби, откуда исходили все распоряжения по взиманию ясака и других поборов. Поэтому город тогда имел и военно-стратегическое значение.

Потом Березово, как глухой и далекий от центра страны городок, сделался местом ссылки важных государственных преступников.

В 1727 году сослан в Березово князь Александр Данилович Меншиков, любимец Петра Первого, с сыном Александром и дочерьми Марией, обрученной невестой Петра Второго, и Александрой.

Летом 1730 года прибыл в ссылку князь Иван Алексеевич Долгоруков, любимец Петра Второго, с женой Натальей Борисовной (дочь князя Шереметьева), отцом князем Алексеем Григорьевичем и матерью, тремя братьями и тремя сестрами, из которых Екатерина Алексеевна – вторая обрученная невеста Петра Второго.

Все эти бывшие государственные деятели содержались в остроге. Для окарауливания их из Тобольска наряжалась команда в составе одного офицера и пятнадцати солдат.

В октябре 1729 года князь Меншиков умер и похоронен вблизи Богородице-Рождественской церкви г. Березова на берегу реки Сосьва, в двадцати саженях (40 метров) от острога, в котором он находился в заточении. До устройства каменной церкви на этом месте Меншиковым построена была деревянная церковь, сгоревшая в 1806 году.

В Москве в Государственной Третьяковской галерее имеется картина художника Сурикова «Меншиков в Березове».

Со смертью Меншикова дети освобождены были из острога с правом жительства в Березове, хотя и под надзором.

С целью освободить и увезти из ссылки Меншикова в Березово приезжал князь Федор Долгоруков, взявший паспорт за границу и прибывший сюда под другим именем, хотя Меншикова он уже не застал живым.

Старшая дочь Мария тайно вышла замуж за этого князя, но через год умерла от родов двух близнецов, тоже умерших. Она похоронена вместе с детьми близ соборной церкви, над могилой ее

установлен деревянный крест с буквой «М» под княжеской короной, с деревянной оградой. Вскоре после смерти Марии Меншиковой умер ее муж Федор Долгоруков, похоронен тут же у церкви.

Могила князя Меншикова не существует с давнего времени. Подмытая водами реки Сосьва, она уничтожена обвалом берега.

Летом 1825 года, по распоряжению тобольского губернатора, производились раскопки для отыскания могилы Меншикова, но ошибочно была открыта могила его дочери Марии.

В 1731 году сын Меншикова Александр и дочь Александра были освобождены от ссылки и возвратились в Москву.

Старики Долгоруковы пробыли в ссылке около четырех лет, умерли там. Дети их прожили в Березове еще несколько лет.

Княжны Долгоруковы и Меншиковы занимались рукоделием. В Березовском соборе хранились две парчовые священнические ризы, шитые этими княжнами, а в другой церкви – две бархатные ризы княжен Меншиковых, пожертвованные еще самим Александром Даниловичем. *(Одна из этих риз, подаренных князем Меншиковым, передана в Остяко-Вогульский (Ханты-Мансийский) окружной музей. – Ф.П.).*

Кроме облачений, в этом же соборе сохранились две церковные книги, присланные уже из Москвы Еленой Алексеевной Долгоруковой по возвращении из ссылки с собственноручными надписями: «1764 года, сентября 1 дня. Сию книгу дала вкладу в церковь Всемилоственного Спаса, что в Сибири в Березовском остроге, на поминание своих родителей, преставившихся тамо. Княгиня Елена князя Алексеева дочь Долгорукова».

Кроме того, из Березова вывезены и хранятся в других местах еще следующие достопримечательности:

1. Военная хоругвь или знамя казаков, основавших Березово. Это воинское знамя хранилось в Березовском соборе, но в восьмидесятых годах прошлого столетия перевезено в Омск для хранения в войсковой церкви бывшего Сибирского казачьего войска.

2. Золотой медальон превосходной отделки на белой атласной ленте, с помещенной на лицевой его стороне под выпуклым стеклом прядью волос, поступивший в Березовский собор, по преданию, от князя Федора Долгорукова вместе с иконой. Хранящиеся в медальоне волосы взяты от умершей жены его Марии Александровны Меншиковой. Медальон этот в 1889 году передан Tobольскому губернскому музею.

Кроме воинского знамени, при основании Березова казаками в 1592 году привнесены были еще иконы, хранившиеся в Березовском соборе: Архистратига Михаила, Георгия Победоносца, Николая Мирликийского. Икона Георгия Победоносца украшена древними серебряными накладками с редким орнаментом и с надписью о том, что она принесена в Сибирь в 1592 году казаками, основателями Березовского острога. В том же соборе хранились древние иконы Богородицы Одигитрии и Всех Скорбящих Радости. Первая икона большого размера со времени основания Березова стояла над воротами городской башни, потом перенесена в церковь. Подлинная икона, по преданию, увезена была в Москву, и с нее сделан список (копия) в меньшем виде, который и находится в соборе. Вторая икона пожертвована воеводой Моисеевым с надписью на ней этого жертвователя.

Иконы Георгия Победоносца, Богородицы Одигитрии и Всех Скорбящих Радости, хранившиеся в Березовском соборе, в 1939 году доставлены в Омский областной краеведческий музей во время предпринятой на Север экспедиции.

Братья Долгоруковы имели широкое знакомство с березовскими обывателями и служилыми людьми и вели разгульную жизнь. Раз во время попойки подъячий Тишин стал приставать к княжне Марии Долгоруковой со своими грубыми желаниями, за что по ее жалобе и был избит гарнизонным офицером. Тогда в отместку этот канцелярист настроил губернатору донос на всю долгоруковскую компанию о дерзких словах в адрес царицы Анны и ее фаворита Бирона. Назначено было следствие, подтвердившее донос, учинена расправа. Это происходило весной 1738 года. Первым арестован был Иван Долгоруков и заключен под строжайший караул. Потом, уже поздней осенью, в одну темную дождливую ночь взяты и отправлены вместе с князем Иваном Долгоруковым на судне в Тобольск несколько тамошних приверженных Долгоруковым жителей: шесть священников, дьякон, караульный майор Петров, который пропускал жену Ивана Долгорукова Наталью Борисовну к передаче ночью мужу через оконце пищи.

Из числа березовских обывателей 19 человек в Тобольске наказаны кнутом и разосланы по разным местам или отданы в солдаты, один обезглавлен. Князь Иван после суда в Тобольске был отправлен в Россию и там под Новгородом по Указу Правительствующего Сената колесован. Братьев Ивана Белобородова, Николая и Александра, после урезания языков и сечения, сослали

в работу: первого – в Охотск, другого – на Камчатку, третий – Алексей – тоже на Камчатку матросом. Сестры разосланы по женским монастырям: Елена – в Тюменский, Анна – в Верхотурский, Екатерина – в Томский и там пострижена в монахини.

За дружественное обхождение с Долгоруковым, кроме духовенства и обывателей, по доносу отдан был под суд и разжалован в матросы лейтенант Овцын, состоявший командиром экспедиции по исследованию берегов Обской губы и Полярного моря по назначению Адмиралтейств Коллегии.

В архиве Томского Алексеевского монастыря имелся документ о княгине Екатерине Алексеевне Долгоруковой, проживавшей в Томске более года в заточении в Рождественском девичьем монастыре. По записанным со слов старожилов рассказам, Долгорукова в монастыре находилась в такой обстановке: небольшая бревенчатая из необтесанных бревен избушка, вроде крестьянской бани «по-черному» с маленькими окнами, являлась ее жильем-кельей. Мебелью служили грубо сколоченные стол и два стула, лавки вдоль стен и скамья, приставляемая к лавке вместо кровати. Питалась подаянием, собираемым ходившими по домам старухами монахинями или приносимым жителями города. Караул был строгим, согласно именному указу, велено было «по пострижении содержать девку Екатерину в оном девичьем монастыре под накрепчайшим караулом». Без постороннего лица княжне не дозволялось даже переменить белье.

При Елизавете Петровне возвращены из ссылки все жертвы Бирона. Возвращена из монастыря и Екатерина Долгорукова. Все сестры вернулись в 1742 году в Россию, им возвращены фамильные права и родовые имения. Возвращены из ссылки и братья Долгорукова и служащие из духовенства. Княжна Долгорукова уже 33-летней женщиной вступила в брак с генералом Брюсом.

В 1742 году сослан в Березово член верховного тайного совета граф Андрей Иванович Остерман с женой. В 1747 году он умер, похоронен против бывшего острога, тоже близ церкви, над могилой его стоит крест с буквами «А.О.», окружена деревянной оградой.

В течение долгого времени в Березове хранились 4 чугунные пушки времен Пугачева с клеймом 1740 года. По последним сведениям, эти пушки, лежавшие у собора на берегу реки Сосьва, на слабом грунте, во время наводнения подмыты и снесены в реку.

В первой половине XIX столетия в Березове находились в ссылке декабристы.

Андрей Васильевич Ентальцев, подполковник, командир артиллерийской роты, отнесенный по приговору суда к седьмому разряду государственных преступников и приговоренный к четырем годам каторги, но отбыл только год работ в Петровском заводе и в 1828 году водворен на поселение в Березово, где жил с приехавшей к нему женой. Материально был обеспечен, получая достаточные суммы денег из России, много помогал бедным жителям города. Ентальцев хорошо был знаком с медициной, умел готовить лекарства и оказывал медицинскую помощь всем обращавшимся к нему, чем заслужил всеобщую любовь и уважение. Потом Ентальцев переведен был в Ялуторовск, где и умер.

Барон Алексей Иванович Черкасов, поручик квартирмейстерской части Южной армии, также отнесен был к седьмому разряду государственных преступников, осужден к четырем годам каторги. Но после одного года каторжных работ в Восточной Сибири он вместе с Ентальцевым водворен на поселение в Березово, откуда переведен в Ялуторовск в 1833 году. В 1837 году Черкасов вместе с некоторыми другими декабристами определен рядовым в действующую Кавказскую армию. Умер в Москве.

И.Ф.Фохт, штабс-капитан Азовского пехотного полка, отнесенный к восьмому разряду государственных преступников, осужден к лишению чинов, дворянства и ссылке в Сибирь на вечное поселение с сокращением срока до 20 лет. В 1826 году водворен на поселение в Березово, откуда переведен, ввиду болезненного состояния, в Курган. Фохт так же, как и Ентальцев, не будучи врачом, очень любил медицину, имел свою аптечку и оказывал бесплатную помощь бедноте, и пользовался уважением. В Кургане Фохт умер в 1842 году, оставив о себе лучшие воспоминания.

Осип-Юлиан Викентьевич Друцкий-Горский, полковник гвардии, был участником войны 1812 года, где и получил семь тяжелых ран. Он приговорен без лишения прав и дворянства к ссылке в Сибирь и водворен на поселение в Березово, затем переведен в город Тару, где арестован по подозрению в намерении в сообщничестве с ссыльными поляками произвести бунт в Омске, куда и был доставлен, но следствие по этому делу выяснило непричастность его к раскрытому заговору. Друцкий прожил в Омске 10 лет и там умер. В Березове, Таре и Омске Друцкий зарекомендовал себя раздражительным, неуживчивым человеком, заводил тяжбы с обыва-

тами, даже к товарищам по ссылке Ентальцеву, Черкасову и Фохоту, относился враждебно, посылал доносы, обвинял их ложно в организации противоправительственного мятежа.

После декабристов, уже в сороковых годах, в ссылке в Березове находился казахский султан, подполковник Губайтул-Валиев, заподозренный в возмущении казахов.

В 1905 году в Березово были сосланы члены исполнительного комитета первого Петербургского Совета рабочих депутатов и много политических ссыльных из разных мест, в том числе Лев Троцкий, благополучно бежавший тогда из пределов Березовского края зимой на оленях через Северный Урал.

Обдорск

Обдорск расположен на высоком правом берегу реки Полуй, впадающей в 5 км от Обдорска в Обь. Основан в 1593 году. Помоедски он называется «Салехарт», т.е. мысовой город, по-тытцы – «Пулноват».

Обдорск являлся крепостью для усмирения туземцев, нападающих на Березово, в коем они видели заступника в лице князя Тайшина, получившего от русского правительства грамоту на управление ясачными людьми.

Для охраны Обдорского острога назначались из Березова ряды казаков в 50 человек и более. Послано было в Обдорск ве пушки железные со станками и колесами калиберовые, да и них дрови 300».

В отдаленных тундрах туземцы неоднократно восставали против князьков и воевод.

В 30-40 годах XIX века происходило большое восстание туземцев под предводительством Ваули Пиеттомина, который, изъезжая по тундрам и отбирая у богатых самоедов оленей, издавал их неимущим. В 1839 году Ваули был арестован, наказан плетью и выслан в Сургутское отделение, в отдаленную ярчину волость (на границе с Нарымским краем), откуда вскоре бежал со своим товарищем Майри Ходакы и вновь чинил нападения на богатых оленеводов. В 1841 году Ваули с отрядом своих единомышленников до 400 человек предпринял поход на Обдорск, где ежегодно в январе проходила ярмарка, на которой вряду с торговлей проходил сбор ясака. Целью Ваули было лишение обдорского князя Тайшина, назначение на его место

остяка Янку Муржана, снижение ясачных платежей и цен на муку и припасы, повышение цен на пушнину.

Но это нападение ему не удалось. Ваули был предан своим же компаньоном по торговым делам Нечаевским. Его осудили и сослали в Восточную Сибирь, где он бесследно затерялся.

Нападения на богатых оленеводов совершались и после Ваули его последователями самоедами Пани, Хорыме, Хынды и др. В Тазовской местности они организовали шайку, отбирали оленей у богачей и раздавали беднякам. В конце концов их поймали сородичи и жестоко наказали: вывихнули руки, повредили суставы пальцев. Особенно тяжело был наказан Пани, слышавший между самоедами шаманом, как и Ваули, а чтобы он не смог причинить людям вреда, ему, по самоедскому понятию, полагалось изуродовать пальцы.

В 1937 году научные сотрудники Омского архивного управления обнаружили в архиве дело «О возмущении остяков Березовского края самоедом Ваули Пиеттомином», представляющее большую научную ценность, так как это дело дает ряд новых фактических данных о Ваули и его движении, которые прежде не были известны и не упоминались исследователями Севера. (*Движение Ваули описано в книгах: М.Анисимкова «Ваули», Свердловск, 1980 г., М.Е. Бударин «Сын племени ненягов», Свердловск, 1964 г., Ф.Я.Показаньев «Город древний, город славный», Сургут, 1994 г. – Ф.П.).*

При царизме Обдорск служил местом политической ссылки. Наиболее известен ссыльный Виктор Бартенев, написавший и издавший в 1896 году книгу «На Крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края» и брошюру «Понятия обдорских остяков о грехе».

Обдорская ярмарка, называемая Васильевской, проходила со 2-го по 25-е января. Туда съезжались туземцы из разных мест: самоеды-кочевники с Северного Урала, с полуострова Ямал (каменные самоеды), с Тазовского полуострова (низовые самоеды), из Туруханского края, зыряне из Архангельской губернии (ижемцы), как скупщики оленьих шкур для выделки замши. Приезжали торговцы даже из Тобольска. Туземцы привозили мамонтову кость, моржовые клыки и ремни, шкуры лисиц и песцов, оленьи шкуры и одежду из них, шкуры белого медведя, разную пушнину, рыбу, моржовый жир (ворвань).

На ярмарочной площади торговля проводилась в амбарах и

с нарт, где выставлялись разные ходовые товары и всевозможная мелочь: чай, табак, кремни и огнива, сукна ярких цветов, колсты, капканы, мережа, котлы, железные листы, медные побряушки, кольца, пояса и так далее.

Ярмарки эти не всегда бывали удачными и многолюдными. Так, например, в 1911 году из-за гололедицы остяки и самоеды долго стоять с оленями вблизи Обдорска не могли и вынуждены были уехать. В том же году русские и зырянские торговцы-скупщики еще в начале зимы устроили станы-зимовки на Ямале, Надыме, Обской губе, так что отпадала нужда ехать на ярмарку в Обдорск. Иногда туземцы ехали для сдачи пушнины в Сургут, а не в Обдорск. А однажды по тундре прошел слух, будто в Обдорске мало вина, и олени обозы направились в Сургут.

В 1911 году на Обдорскую ярмарку все-таки поступило пушнины приблизительно на 240 тысяч рублей. Продано песка белого 8000 на 120000 рублей, белки 30000 – на 10000 рублей, лисицы 500 – на 8000 рублей, оленьих шкур 15000 – на 50000 рублей, шкур белого медведя 50 – на 5000 рублей.

В поисках чудовища

Осенью 1845 года зверопромышленники, остяк Фалалей Лыксов и самоед Обыль, в урмане убили необыкновенное чудовище: «постав человеческий, росту аршин трех, глаза один на лбу, а другой на щеке, у рук вместо пальцев когти, у ног пальцев не имел, мужеска пола».

Такое сведение получил священник Михай Попов при поездке для исполнения треб в юрты Мазымские на реке Мазым, где рассказывал ему старшина Тарлин. Урядник Шахов послал об этом донесение в Березовский земский суд 16 декабря 1845 года. Там того же числа «приказали» копию донесения препроводить при указе Кондинскому отдельному заседателю Кожевникову с нарочным казаком, «велев ему, Кожевникову, тотчас по получении указа отправиться на место происшествия и противу означенного доношения сделать личное удостоверение и, если по таковому окажется оное справедливым, то велеть ему, Кожевникову, застреленного из ружья промышленниками инородцами необыкновенного возраста человека с глазами на лбу и на щеке доставить со всею сохранностью в земский суд в натуральном одного виде и сколь поспешнее и о происшествии,

каким образом оное сопровождалось, произвести подробное удостоверение и также предоставить в суд». Об этом было донесено губернатору и губернскому правлению.

Кожевников немедленно отправился на реку Мазым, но скоро вернулся ввиду своей болезни и встретившихся препятствий для проезда – бездорожья и отсутствия оленей – и командировал для розыска урядника Ямзина, которому удалось сначала отыскать названных выше зверопромышленников. Из них Обыль объяснил, что вместе с Лыковым нашли в лесу какое-то чудовище, облаянное собаками, от коих он оборонялся своими руками, по приближении Фалалей стрелил оное чудовище, которое и пало на землю. Осмотрели его со всех сторон, орудия при нем никакого не было, ростом три аршина, мохнатое. Но Лыков отвергал весь этот пересказ, он пояснял, что никакого в яву чудовища не находил и не видел, кроме того, что во сне видел, бывши с Обылем на промысле, что в одну бурную ночь это действительно приснилось ему, что будто повстречался на пути по облаянии собаками с чудовищем (дьяволом). Об этом сне Лыков и рассказал Обылю.

Между тем земский суд и губернатор настойчиво требовали непременно найти и представить застреленное на промыслах необыкновенное чудовище. Наистрожайше предписывалось заседателю употребить всевозможное старание к непременно отысканию означенного застреленного чудовища, невзирая ни на какие невозможности, и доставления его со всею сохранностью.

Обыль в присутствии многих свидетелей все-таки подтверждал, что он отыщет и укажет место, где убито чудовище, при условии, чтобы Лыков довел до того шалаша, где они имели ночлег. Ввиду такого заверения снаряжена была целая экспедиция для розысков чудовища из 11 остяков и 2 самоедов, которую возглавляли заседатель с урядником с участием тех же Лыкова и Обыля. Сутки шли на лыжах к месту нахождения шалаша в лесу, но по прибытии к цели Обыль вдруг неожиданно заявил, что никакого чудовища он не знает, что Лыков рассказывал ему о виденном во сне чудовище, а он, Обыль, разглашал об этом якобы из хвастовства.

Так и кончилась эта дикая история, созданная нелепыми распоряжениями чиновников в поисках фантастического чуда. *(Данный текст Г.А.Пирожников использовал в своих «Записках...», позаимствовав его из «Ежегодника Тобольского губернского музея». — Ф.П.).*

ПОВОД ДЛЯ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Вы познакомились с «Записками уездного исправника». У Вас сложилось личное мнение об авторе, о времени и о книге в целом как продукции Северо-Сибирского регионального книжного издательства.

Вы можете высказать замечания, предложения, пожелания.

Если Вас заинтересовал какой-то вопрос, но он не полностью раскрыт в книге, можно поискать источник в прилагаемом списке литературы и сделать запрос в любую библиотеку, музей или архив как в Тюменской области, так и в России.

«Записки...» Пирожникова – это материал и повод для размышления. Прочитав их, Вы, как нам представляется, задумаетесь о дне минувшем и дне сегодняшнем Югорской земли. То, что произошло здесь на протяжении двадцатого столетия, нельзя измерить и сравнить ни с помощью цифр, ни с помощью процентов.

Наш Ханты-Мансийский автономный округ за одну человеческую жизнь прошел путь от жирового светильника до мощных электростанций, от первых лучей света разума до высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений, до крупнейших нефтегазодобывающих предприятий, от знахарей и шаманов до современных клинических больниц, от чумов и полумеземных юрт до многоэтажных благоустроенных домов.

Югорскую параллель по Тюменскому меридиану пересекала стальная магистраль, связав между собою десятки новых городов. Нынче на просторах рек вызывают удивление не современные теплоходы, «Ракеты» и «Метеоры», а деревянные рыбацкие лодки и обласа. Современные автомобильные дороги пролегли среди тайги и болот. Днем и ночью небо над Югрой очерчивают самолеты, следующие из разных городов России и зарубежных стран.

Однако эти грандиозные изменения проходили не без изъясна и зачастую без пользы для коренного населения. Особенно это заметно было при разведке и разработке нефтяных и газовых месторождений, при строительстве трубопроводов и дорог.

Поспешность, а иногда принятие упрощенных решений без учета условий и особенностей местности приводили к уничтожению лесов, загрязнению рек, озер и болот, что, в свою очередь, привело к уменьшению промыслового зверя, птицы, рыбы, пастбищ, поголовья оленей.

Индустриализация и урбанизация нарушили уклад, традиции, самобытную культуру как коренных народностей Севера, так и старожилов русского населения.

Пути цивилизованного развития надо все-таки искать параллельно с сохранением и обогащением национальных культурных ценностей. И «Записки...» могут помочь в решении данного вопроса. Думаю, все еще поправимо.

Главное, уважаемый читатель, любить свою Родину и знать ее историю. Как важно, кстати, знать и историю своей семьи.

*С уважением,
Флегонт Показаньев.
Февраль 1996 года.
Сургут.*

О НЕКОТОРЫХ ЛИЧНОСТЯХ, ФАКТАХ И ПОНЯТИЯХ

С. 14. Хлебозапасный магазин – государственное учреждение, снабжавшее коренное инородческое население мукой и другим продовольствием, а также солью, порохом, дробью, свинцом.

С. 15. Первая Западно-Сибирская сельскохозяйственная, лесная и торгово-промышленная выставка проходила в Омске с 15 июня до 1 августа 1911 года по инициативе правления Омского отдела Московского общества сельского хозяйства с целью дать наглядную картину Западной Сибири в естественно-историческом и культурно-экономическом отношении, ознакомить с природными богатствами края, состоянием различных отраслей сельского хозяйства, промышленности, торговли, учебного дела и медицины. В качестве девиза выставки было принято латинское изречение «Ola et labora!» («Молись и работай!»), отпечатанное на всех ее официальных бумагах. Экспозиция привлекла внимание предпринимателей из городов Европейской России, Урала и Сибири, а также представителей различных фирм и компаний из США, Англии, Франции, Германии, Дании и Швеции. Выставку посетило свыше 70 тысяч человек. Ежедневно издавался «Вестник Первой Западно-Сибирской выставки» (П.П.Вибе, А.П.Михеев, Н.М.Пугачева. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С.204). На выставке экспонировалась коллекция предметов хантыйского быта (см.: Изделия остяков Тобольской губернии: Этнограф. коллекция Тобол. губерн. музея на Первой Зап.-Сиб. выставке в г. Омске // Ежегодник Тобол. губерн. музея. – 1911. – Вып.19. – С.1-10) и изделия кузнечно-слесарной мастерской Ларьякского сельского начального училища.

С. 23. Аркадий Иванович Якобий, профессор Казанского университета, миссионер. В 1894-1895 годах совершил поездку на Север Тобольской губернии. Опубликовал монографию «Угасание инородческих племен Севера» (СПб., 1893), статью «Страна реки Ваха, общее заключение и основная мера помощи» в «Тобольских губернских ведомос-

тах» (1895. – №№54, 55), статьи в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» и «Тобольских епархиальных ведомостях».

С.23. Ясак – натуральный налог, которым облагались в Московской Руси и России некоторые народности Поволжья, Сибири и Дальнего Востока.

С.27. Григорий Матвеевич Дмитриев-Садовников (1885, Тобольск – после 1920), учитель, краевед, литератор. В 1904-1913 годах преподавал в Ларьякском сельском начальном училище Сургутского уезда общеобразовательные дисциплины и ремесла в открывшейся при училище в сентябре 1908 года кузнечно-слесарной мастерской. Регулярно совершал экскурсии по Ваховскому краю, собирал сведения по географии, этнографии, языку хантов, активно сотрудничал с Тобольским губернским музеем и печатался в его «Ежегоднике». В 1913 году участвовал в экспедиции музея в долину реки Вах под руководством Б.Н.Городкова. Позднее проводил исследования по рекам Полуй и Надым. В 1917-1921 годах – активный общественный деятель, один из ведущих сотрудников тобольских газет «Земля и воля» и «Тобольское народное слово». В 1920 году – сотрудник экспедиции Наркомвнешторга для научно-экономического обследования Обь-Урало-Печорского Севера.

С.28. Борис Николаевич Городков (1890-1953) – географ и ботаник, путешественник, исследователь Сибири, Дальнего Востока и европейского Севера России. Родился в Тобольске, здесь же окончил гимназию. В годы учебы часто бывал в губернском музее и под влиянием местных краеведов заинтересовался естествознанием, собирал для музея в окрестностях Тобольска растения, насекомых. По окончании гимназии поступил в Петербургский университет.

Еще в студенческие годы провел первые самостоятельные исследования на Тобольском Севере – по рекам Конде (1910) и Салыму (1911). В последующие годы исследовал бассейны рек Вах (1913), Полуй (1914), Северная Сосьва (1915), низовье Оби и южное побережье Обской губы (1917), бассейны Агана и Пура (1923-1924). В 1924-1928 годах руководил Северо-Уральской экспедицией Академии наук и Уралплана, давшей богатый материал для изучения минеральных, лесных и кормовых ресурсов северо-западной части территории Ханты-Мансийского округа.

Впоследствии один из создателей Института оленеводства, где с 1932 по 1950 годы руководил сектором геоботаники и кормов. В 1937 году приглашен на преподавательскую работу в Ленинградский педагогический институт им. А.И.Герцена и с 1938 года заведовал в нем кафедрой физической географии.

Обширные сведения о жизни и научной деятельности Б.Н.Городкова содержатся в книге профессора Тюменского университета В.В.Козина «К верховьям неведомых рек» (М., 1981).

С.31. Иван Семенович Поляков (1847-1887), зоолог, антрополог и этнограф. Выпускник Петербургского университета, хранитель зоологического музея Российской Академии наук. Редактировал «Записки Императорского Русского Географического общества». В 1876 году совершил поездку на Север Тобольской губернии, где наряду с научными исследованиями по поручению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г.Казнакова изучал положение северных инородцев. По результатам поездки опубликовал «Письма и отчеты о путешествии в долину реки Оби» и «Жизнь человека и животных в долине реки Оби».

Кроме этого, выезжал в экспедиции на Олекму (1866), в Олонецкую губернию (1871), Мариинский округ Томской губернии, на озеро Балхаш (1877), на Сахалин (1880).

С.32. Николай Аркадьевич Варпаховский (1862-1909), ихтиолог. Окончил Казанский университет (1885), служил старшим ревизором управления Астраханскими рыбными и тюленными промыслами. В конце 1894 года был командирован Министерством земледелия и государственных имуществ в Тобольскую губернию для исследования рыболовства в бассейне Оби, изучил и описал всех местных промысловых рыб, способы их лова, собрал коллекцию орудий рыболовства, которую демонстрировал на Всероссийской Нижегородской выставке в 1896 году. Исследовал явление замора на Оби и ее притоках, делал в Тобольском губернском музее доклады для ознакомления публики с положением рыбных промыслов на Севере.

Имея широкие связи с обскими рыбопромышленниками, Н.А.Варпаховский старался заинтересовать их задачей улучшения способов заготовки рыбы впрок. Он причастен к возникновению в с.Самарово первой на Тобольском Севере школы по приготовлению рыбных консервов, устройству совещаний рыбопромышленников при губернском музее, открытию Тобольского отдела Императорского общества рыбоводства и рыболовства.

Главными условиями развития рыбных промыслов на Севере губернии Варпаховский считал регулирование способов рыболовства, улучшение технологии приготовления рыбных товаров, поднятие умственной жизни инородцев, содействие развитию мелкого промысла, открытие регулярного пароходства и новых рынков для сбыта рыбных товаров.

С.32. Лев Евграфович Луговский (1860-1898), чиновник, общественный деятель. Окончил Черниговскую гимназию (1879), два года

слушал лекции в Санкт-Петербургском университете. За участие в революционной деятельности выслан в Тобольск, куда прибыл в августе 1883 года. Несколько лет служил конторщиком у купца А.А. Сыромятникова, с 1890 года – на государственной службе в различных учреждениях губернского центра. Выполнял важные и ответственные поручения начальства, в частности, летом 1896 года выезжал в северные округа губернии в составе комиссии для врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений по рекам Иртышу и Оби.

Публиковал в местных газетах статьи и заметки по различным вопросам общественной жизни. В 1896 году был редактором неофициальной части «Тобольских губернских ведомостей».

Л.Е. Луговский был одним из основателей Тобольского губернского музея и как секретарь правления многое сделал для его становления и развития. Благодаря его настойчивым усилиям в 1893 году начал издаваться ежегодник музея, и до конца своих дней Лев Евграфович состоял в его редакционной комиссии. Он же заведовал метеостанцией при музее и водомерным постом в Тобольске. Кроме того, им собран первый гербарий музея, написаны и опубликованы работы «Ключ к гербарии флоры Тобольска и его окрестностей» (Тобольск, 1888), «Растения Тобольска и его окрестностей, употребляющиеся в медицине или как народные лекарственные средства» (Тобольск, 1889).

25 июня 1898 года «Сибирский листок» откликнулся на кончину Л.Е. Луговского такими словами известной общественной деятельницы М.Н. Костюриной: «В течение десятилетия с 1888 по 1898 годы, принимая ближайшее участие во всех делах музея, – покойный сроднился с этим учреждением, он любил музей – как свое дело, ежегодник музея как свое дитя...»

В этом же номере газеты В.Ф. Костюрин, заметив, что Луговский был, кроме всего прочего, еще и инициатором и членом-учредителем «Общества взаимной помощи учащим и учившим в Тобольской губернии», называет его одним из тех, «кто тем или иным путем стремится обывателя сделать гражданином, сознательно относящимся к общественным делам и своим обязанностям перед обществом».

С.33. Семен Прокопьевич Шахов (1861-1921, Березово), рыбопромышленник, предприниматель. Окончил Березовское уездное училище. В 80-е годы первым на Тобольском Севере начал маринование тугуна, более известного под названием сосьвинской сельди, собственным оригинальным способом. В начале девяностых годов открыл небольшое консервное производство, выпускал консервы «Сосьвинская сельдь в масле» в жестяных банках.

В 1904 году основал близ Березова ферму с целью наладить коммерческое молочное хозяйство. Пытался улучшить породу местного

скота, для чего в 1906 году привозил быка из Тобольской сельскохозяйственной школы. Для механизации кормопроизводства приобрел к лету 1910 года сенокосилку и конные грабли. При ферме построил маслодельный завод. В 1908 году хозяйство Шахова реализовало около 120 пудов масла по 16-18 рублей за пуд и дало небольшую прибыль. Посетивший ферму летом того же года тобольский губернатор Н.Л.Гондатти благодарил владельца фермы за энергию и просил продолжить дело.

Успешному развитию хозяйства препятствовало отсутствие кредита. В 1907 и 1908 годах Шахов обращался в губернские учреждения с просьбой о ссуде, но безрезультатно. В марте 1909 года в письме к депутату Государственной Думы Н.Л.Скалозубову Шахов просил содействовать в получении ссуды и по его совету обратился в управление земледелия в Петербург. Результат неизвестен.

Сильно повредили ферме Шахова широкие разливы Оби в 1908 и 1909 годах: не удалось заготовить достаточного количества сена и дойное стадо пришлось уменьшить до 50 голов. Но настоящее бедствие хозяйство потерпело от наводнения 1914 года, разрушившего постройки маслодельного завода. Из-за наступившей бескормицы от стада в 60 дойных коров осталось только 10, и завод прекратил существование.

Долгие годы С.П.Шахов пользовался авторитетом среди березовцев, с 1888 по 1895 года избирался городским головой, а позднее – городским старостой. В марте 1921 года он был расстрелян большевиками перед их отступлением из Березова вместе с 24 другими заложниками.

С.33. Николай Лукич Скалозубов (1861-1915), агроном, общественный и государственный деятель, краевед. Окончил Петровскую сельскохозяйственную академию (1885). В апреле 1894 года был назначен Тобольским губернским агрономом. В Тобольске изучал состояние земледелия, рыболовства, пчеловодства, маслоделия, свиноводства, неутомимо искал людей для новых дел в области сельского хозяйства, ремесел, народного образования.

С 1896 года при «Тобольских губернских ведомостях» выходило под его редакцией приложение «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности». В 1900 году при его активнейшем участии в деревне Соколовой под Тобольском открылась первая в губернии сельскохозяйственная школа. Н.Л.Скалозубов был близко причастен к организации маслодельных артелей, артели художников-косторезов, кружка любителей садоводства и огородничества, сети дождемерных станций в губернии, открытию в Тобольске «Народной аудитории», целью которой было распространение практически полезных знаний. За уча-

стие во всеобщей переписи населения 1897 года он был награжден орденом св. Станислава 3-й степени.

Весьма плодотворной была краеведческая деятельность Н.Л.Скалозубова. Сразу по приезде в Тобольск он был избран в правление губернского музея, а вскоре стал его консерватором (хранителем фондов). В этой общественной должности он вел огромную организаторскую работу, переписывался со многими научными учреждениями и частными лицами по вопросам комплектования коллекции музея, сам участвовал в сборе материалов. Во многом благодаря ему «Ежегодник Тобольского губернского музея» стал ценнейшим собранием сведений о крае. В 1896 году он положил начало художественному отделу музея. Под руководством Н.Л.Скалозубова музей активно участвовал в устройстве российских и зарубежных выставок – Курганской, Нижегородской, Парижской, по итогам последней Николай Лукич был награжден серебряной медалью.

«Без возбуждения самодеятельности населения, – писал он, – никакая серьезная мера, имеющая в виду кровные интересы самого населения, успешно проведена быть не может... Отсутствие самодеятельности – это основной грех наш».

В 1907-1912 годах Н.Л.Скалозубов был депутатом II и III Государственной Думы. В этот период в Тобольской газете «Сибирский листок» регулярно печатались его сообщения на темы думской деятельности.

Последний период его жизни прошел в Кургане, где он организовал в имении купца Л.Д.Смолина частную селекционно-семеноводческую станцию и успешно занимался селекцией пшеницы, овса, гороха, кукурузы, изучал ботанический состав и качество хлебов Зауралья, ставил опыты с минеральными удобрениями.

По стопам отца пошли дети Н.Л.Скалозубова. Среди исполнителей первых полевых опытов Омской областной селекционно-семенной станции им. Н.Л.Скалозубова был его сын Юрий Николаевич. Большой вклад в развитие научных исследований в нашем округе внесла агроном-опытник Ариадна Николаевна Скалозубова-Голяновская (1897-1973), а в Восточной Сибири – заслуженный агроном России Анна Николаевна Скалозубова (1902-1970).

С.33. 25 марта 1903 года газета «Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности» опубликовала следующее сообщение Н.Л.Скалозубова: «2 марта 1900 года. Гр.Тетюцкий из Сургута пригласил меня для осмотра и определения рыбы, пойманной в Тазовской губе у устья Таза (на пресной воде) зимой 1899-1900г. Вес рыбы 5 пудов 10 фунтов. Рыбаки полагали, что это стерлядь». Далее сообщались размеры пойманной рыбы: длина тела от начала верх-

ней косы хвоста – 183,5 см, длина головы – 42 см и т.д. «Г.Тетюцкий, – продолжал Н.Л.Скалозубов, – решил отправить рыбу в дар Зоологическому музею Императорской Академии наук, на что телеграммой было испрошено разрешение президента академии великого князя Константина». В Академии наук определили, что это осетр.

С.34. Стоповый посол рыбы применялся на рыбных промыслах Севера Тобольской губернии, чтобы обеспечить длительное хранение рыбы. Производился на местах лова в специальных сараях, где добытая рыба потрошилась и освобождалась от внутренностей, надрезалась изнутри со стороны хребта, посыпалась солью и укладывалась рядами в чаны. После образования на вторые сутки рассола рыба придавливалась камнями или гирями на 7-9 суток. По истечении этого срока промывалась в том же рассоле, складывалась в сараях в стопы и хранилась до осени, когда ее вывозили на пароходах в Тобольск и Тюмень.

Обработанную таким образом рыбу перед употреблением в пищу необходимо было продолжительное время вымачивать в воде. Стоповый посол сильно снижал природные пищевые качества рыбы, поэтому рынок сбыта ее был ограничен южными округами Тобольской губернии и близлежащими заводами и приисками Урала. (См.: А.А.Дунин-Горкавич. Тобольский Север. Т.I. – СПб., 1904. – С. 233-234).

С.34. Василий Трофимович Земцов (1831-1901), торгующий крестьянин с.Самарово, рыбопромышленник. Зачинатель рыбообрабатывающей промышленности на Обь-Иртышском Севере. Построенная им в 1897 году в Самарово на собственные средства школа-мастерская для подготовки мастеров по изготовлению консервов и балыков просуществовала три с половиной года; по данным А.А.Дунина-Горкавича, среднегодовая ее производительность составила 1800 фунтовых и 3500 полужуфунтовых банок консервов.

Известен как общественный деятель и меценат. Сотрудничал с Тобольским губернским музеем, жертвовал деньги на строительство музейного здания, в пользу Общества вспомоществования бедным студентам Тобольской губернии и на другие благотворительные цели. Построил в Самарово пароходную пристань, школу. Оказал содействие многим экспедициям русских и зарубежных исследователей, путешествовавших по Иртышу и Оби, – И.С.Полякова, А.Брэма и О.Финша, Ш.Рабо, А.А.Ширинского-Шихматова, А.Альквиста, С.Соммье и др.

С.35. 31 декабря 1901 года на заседании распорядительного комитета Тобольского губернского музея был рассмотрен «Проект общего устава рыболовства», выработанный совещанием специалистов

рыбного дела при Департаменте Земледелия – те его параграфы, которыми вводились ограничения с целью сохранения рыбных запасов. В обсуждении проекта участвовали рыбопромышленники С.И.Бронников, И.И.Карпов, Н.Е.Козлов, Е.Т. Новицкий, Д.М.Плотников, Ф.К.Соскин, А.И.Туполев и др. Были высказаны замечания по проекту устава рыболовства, исходя из особенностей промысла в Обь-Иртышском бассейне, и поддержано предложение консерватора музея Н.Л.Скалозубова об организации Тобольского общества рыболовства и рыбопромышленности (А.А.Дунин-Горкавич. Тобольский Север. Т. I. Приложение III).

С.38. Федор Иванович Соймонов (1692-1780), гидрограф, государственный деятель. В 1719-1720 и 1724-1727 годах исследовал Каспийское море и в 1731 году издал его атлас с текстом. В 1734 году составил атлас Балтийского моря. В 1740 году за участие в деле Волынского сослан на каторгу. В 1763 году возглавил экспедицию для описания р.Шилки. В 1757-1763 годах – сибирский губернатор, в 1763-1766 – сенатор. Автор исторических сочинений, трудов по экономике и географии Сибири: «История Петра», «Известия о торгах сибирских» (1755), «Сибирь – золотое дно» (1761).

С.46. Николай Петрович Тетюцкий (около 1827-после 1901), сургутский торгующий мещанин. Жил в с.Юганском, торговал мукой, мануфактурой, бакалейными, кожевенными и др. товарами среди ханты бассейна р.Юган, скупал пушнину, занимался рыбным промыслом, поставлял дрова для пароходов. По свидетельству А.А.Дунина-Горкавича, в хорошие годы Тетюцкий собирал по Югану до 300 соболей.

Современники отмечали честность Тетюцкого в его торговых отношениях с ханты. Так, шведский исследователь Ф.Р.Мартин, путешествовавший по Югану в 1891 году, писал: «Все остяки его знают, чрезвычайно ему преданы и вполне доверяют ему. Я сам получил доказательства этого».

Н.П.Тетюцкий был одним из последователей священника И.Я.Тверитина в его растениеводческих опытах, начиная с 1858 года, и награжден за это малой серебряной медалью Казанского экономического общества. Известен он и пожертвованиями в пользу Сургутского женского училища и Юганской Богоявленской церкви, за что был удостоен благодарностей епархиального начальства и благословения Синода.

С.46. Василий Степанович Невзоров (1794-1878, Сургут), казачий войсковой старшина. В службу вступил в Тюменскую казачью команду 2 февраля 1818 года. Продвижения по службе: пятидесятник (1821), ударник (1824), хорунжий (1831), сотник (1834). По предписанию тоболь-

ского губернатора с 1 декабря 1836 года вступил в управление Тобольским городовым казачьим полком, за отличное управление которым летом 1840 года получил благодарность от губернатора Талызина.

На рубеже 40-х и 50-х годов перешел на службу в Сургут, где в чине есаула командовал 4-й ротой Тобольского пешего батальона.

В 1853-1855 годах производил в Сургуте посевы овса и ячменя на отведенных специально для этого трех десятинах земли. Пробовал сеять лен, коноплю, гречиху и горох. В 1855 году по поручению березовского военно-окружного начальника Г.А. Колпаковского Невзоров выяснил наличие свободной и годной для хлебопашества земли в районе Сургута. В 1856 году генерал-губернатор Западной Сибири объявил В.С.Невзорову благодарность за распространение хлебопашества в Сургутском крае, а в 1857 году Вольное экономическое общество наградило его большой серебряной медалью.

С.47. Иван Яковлевич Тверитин (1806-около 1883), священник. С 1837 по 1883 годы был настоятелем Богоявленской церкви в селе Юганском близ Сургута. Во второй половине XIX в. около 20 лет вел большую опытническую работу по акклиматизации зерновых культур: ячменя, овса, гречихи, ржи, пшеницы с применением удобрений. Наиболее результативными были опыты выращивания ржи. Кроме зерновых культур, Тверитин выращивал картофель из семян, а с 1878 года – апельсины в комнатных условиях.

И.Я.Тверитин – участник всероссийских сельскохозяйственных (1860, 1864) и политехнической (1872) выставок. Награжден шестью медалями четырех научных обществ. Имел в селе Юганском последователей в лице крестьян братьев Кондаковых, дьячка Силина, мещанина Николая Тетюцкого (см. примеч. к стр. 46) и своего внука Василия Тверитина.

Изучал экономическое положение остяков и выступал в защиту их интересов. В голодный 1860 год продал остякам до 400 пудов зерна по цене втрое ниже рыночной, а в 1869 году раздавал хлеб бесплатно. Помогал также и мукой, полученной на собственной ветряной мельнице, которую построил в 1860 году. В 1845 году был награжден «архипастырскою признательностью за обучение остяцких детей и содержание их на свой счет», а в 1847 году за это же – благословением Святейшего Синода.

С.51. Порто-франко – право порта на беспошлинный ввоз и вывоз товаров, а также порт, пользующийся таким правом.

С.52. Гарпиус – смола, добываемая из живицы хвойных деревьев, стекловидная и хрупкая. Очищенный гарпиус (канифоль) употреблялся в лаковом, мыловаренном, писчебумажном и сургучном производ-

ствах, в фотографии, для натирания смычков музыкальных инструментов и пр.

С.53. Михаил Константинович Сидоров (1823-1887), красноярский купец 1-й гильдии, золотопромышленник, представитель плеяды сибирских купцов XIX века, сделавших главной целью своей жизни развитие хозяйства, культуры и науки Сибири. На освоение, исследование и развитие северных окраин России, поддержку ученых и благотворительных организаций М.К.Сидоров в 1852-1882 годах истратил 1,7 млн. руб.

Среди многих добрых дел, за которые Сибирь должна быть благодарна ему, – снаряжение экспедиции для исследования Обской губы, поощрение судоходства по Северному морскому пути, денежные взносы на содержание школ и приютов в Тобольске, Березове, Омске и др. городах, пожертвование 60 тыс. руб. на распространение грамотности в Тобольской губернии (1865), затрата 160 тыс. руб. на многочисленные выставки с целью пропаганды пользы Севера для России (Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т.4, кн.1. – Новосибирск, 1997. – С. 54-57).

С.53. Александр Михайлович Сибиряков (1849-1933), сибирский золотопромышленник, видный организатор научного обследования Сибири, один из крупнейших благотворителей и меценатов. Образование получил в Швейцарии – в политехникуме г.Цюриха. В 1870-е годы сделал крупные капиталовложения в транспортную сеть Сибири и пароходство, которое, наряду с золотопромышленностью, стало основной сферой его предпринимательской деятельности. В поисках эффективных торговых путей из Сибири в Европу изучал Северный морской путь, финансировал полярные экспедиции шведского исследователя Арктики Н.А.Э.Норденшельда (1878-1879), А.В.Григорьева (1879-1890).

В 1880 году предпринял попытку пройти на шхуне через Карское море в устье Енисея, и описал свое путешествие в статье «Плавание шхуны «Оскар Диксон» в 1880 году к устью Енисея». В 1884 году на пароходе «Норденшельд» прошел до устья Печоры, поднялся вверх по реке и, перевалив Урал, по рекам Обского бассейна добрался до Тобольска.

Исследовав местность между бассейнами Оби и Печоры, Сибиряков нашел сравнительно удобный перевал через Урал, построил склады в селениях Щугоре и Ляпине и зимой 1885-1886 годов начал перевозить хлеб из Сибири в Европу. С весны 1886 года он приступил к строительству 150-верстной дороги через Урал.

Своей деятельностью в западной части Березовского округа Сибиряков вызвал всплеск деловой активности, привлек сюда до полутора тысяч зырян, занятых перевозкой хлеба, построил две приста-

ни, положил начало консервированию сосывинской сельди. Однако к середине 1900-х годов свое дело в Березовском крае он прекратил ввиду его убыточности.

Столь же широкий размах имела благотворительная деятельность А.М.Сибирякова. В общей сложности на изучение и освоение Сибири, развитие ее культуры и просвещения он потратил более 1,5 млн. руб. Среди наиболее крупных пожертвований – 200 тыс. руб. на строительство и оборудование Томского университета (1880), 800 тыс. руб. – на устройство народных школ. Умер А.М.Сибиряков 2 ноября 1933 года в Ницце. Его имя носил ледокольный пароход, в его честь назван остров в Енисейском заливе.

С.56. Никанор Капитонович Хондажевский, военный топограф, член Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества с марта 1880 года. В 1879 году совершил поездку в Обдорск, на р.Надым и Ныдудля общегеографических наблюдений. В 1880 году в «Записках» Западно-Сибирского отдела РГО опубликовал работу «Зимнее исследование нагорного берега Иртыша от Тобольска до Самарово и северных тундр между Обской губою и Сургутом».

С.57. Виктор Викторович Бартенев (1864-1921), участник революционного движения в России, происходил из семьи профессиональных революционеров Е.Г. и В.И.Бартеневых, основавших русскую секцию I Интернационала. В 1886-1890 годах – студент юридического факультета Петербургского университета. В середине 1891 года обвинен в недозволенной агитации и выслан в с.Обдорское Тобольской губернии. После освобождения из ссылки опубликовал книгу «На Крайнем Северо-Западе Сибири: Очерки Обдорского края» (СПб., 1896) и дважды сборники обдорских частушек (Архангельск, 1914;1921). Кроме того, в «Ежегоднике Тобольского губернского музея» напечатал статью «Понятия обдорских остяков о грехе» (1895. №№3-4).

В 1907 году переехал в Архангельск, где активно участвовал в деятельности Архангельского общества изучения русского Севера, а с 1917 года редактировал «Известия» – журнал общества.

С.58. Иннокентий Николаевич Шухов (1894-1956), зоолог, охотовед, краевед. Окончил в 1911 году Сибирский кадетский корпус в Омске и поступил на естественно-исторический факультет Санкт-Петербургского психоневрологического института, который окончил в 1915 году. Будучи студентом (с осени 1912 года) работал в зоологическом музее Академии наук и в музее этнографии и антропологии. В 1913-1914 годах по заданию зоологического музея изучал фауну и быт туземного населения Тобольского Севера, собрал зоологическую, бо-

таническую и этнографическую коллекции, переданные в музей Академии, после поездки опубликовал научные работы. Одна из них – «Река Казым и ее обитатели» – напечатана в 1916 году в 24-м выпуске «Ежегодника Тобольского губернского музея».

С 1918 года – преподаватель техникумов и вузов Омска и Красноярска, ученый консультант Омского областного музея. Профессор. Автор свыше 200 научных статей по орнитологии и ихтиологии, книг для детей. (Вибе П.П., Михеев А.П., Пугачева Н.М. Омский историко-краеведческий словарь. – М., 1994. – С. 306-307).

С.58. Сергей Михайлович Чугунов (1854-после 1914), врач, зоолог. Окончил Казанский университет (1880), служил земским врачом в Шадринском уезде Пермской губернии. В сентябре 1888 года, с открытием Томского университета, назначен помощником прозектора при кафедре анатомии. В 1900 году удостоен степени доктора медицины, с ноября 1903 – приват-доцент Томского университета. Статский советник.

Проводил на Тобольском Севере антропологические и зоологические исследования. Автор работ «Млекопитающие и птицы Сургутского уезда, собранные летом 1913 года», «От Тобольска до Обдорска летом 1915 года», опубликованных в 24-м и 28-м выпусках «Ежегодника Тобольского губернского музея», и др.

С.60. Йозеф Папай (1873-1931), венгерский языковед. На рубеже XIX и XX веков совершил путешествие на земли остяков (Конда, Казым). Записывал песни и сказки, сведения об образе жизни и обиходе, поселениях, традициях, обычаях, свадебных и погребальных обрядах. Участвовал в праздниках жертвоприношения и шаманских ритуалах.

С.60. Уно Тави Сирелиус (1872-1929), финский этнограф, совершивший две длительные поездки к сибирским народам (одну из них – в 1899 году – финансировало Финно-Угорское Общество Финляндии).

Побывал на Васюгане, Вахе, Салыме, Югане, Конде, Агане. По Оби добрался до Обдорска. Специализировался на изучении домашних ремесел. Его работа «Домашние ремесла остяков и вогулов», переведенная с немецкого языка, напечатана в 15-м и 16-м выпусках «Ежегодника Тобольского губернского музея» (Тобольск, 1905, 1906).

С.61. Кустaa (Густав) Фредерик Карьялайнен (1871-1919), финский лингвист и этнограф. На рубеже XIX и XX веков около четырех лет (1898-1902) провел среди остяков Тобольской губернии. Опубликовал большой трехтомный труд «Религия югорских народов», переведенный на русский язык профессором Томского университета доктором исторических наук Н.В. Лукиной и изданный в Томске в 90-х годах.

Работая в экспедиции как ученый, Карьялайнен живо интересовался материальным и духовным состоянием объекта своих исследований – остяков, его предложения по улучшению условий рыболовства опубликованы в приложении к «Тобольским губернским ведомостям» – «Отделе сельского хозяйства и кустарной промышленности».

С.62. Кай Рейнгольд Доннер (1888-1935), финский этнограф. Начиная с 1912 года, в течение двух лет занимался исследованиями среди коренных народов нижних течений Оби и Енисея. В пределах нашего округа посетил бассейн р.Вах. В «Трудах Томского общества изучения Сибири» напечатана его работа «Самоедский эпос» (Томск, 1915. – Т.3, вып.1).

С.62. Август Альквист (1826-1889), финский языковед, один из создателей национальной финской литературы. Изучал хантыйский и мансийский языки, для этой цели провел несколько месяцев среди населения рр. Сосьвы, Конды, Туры, Тавды и Пелыма. Первым уделил серьезное внимание песенному творчеству северян, театру манси. Автор работы «Среди остяков и вогулов» (Исторический вестник. – 1884. – Т.16).

С.62. Матиас Александр Кастрен (1813-1852), финский языковед и этнограф. Исследовал языки и культуру финно-угорских, самодийских, тунгусо-манчжурских и палеоазиатских народов. Составил грамматики и словари для 20 языков. Предложил теорию родства угрофинских, самодийских, тюркских, монгольских и тунгусо-манчжурских языков (алтайская семья). В 1841-1849 годах изучал на Севере России, Урале и в Сибири наречия и быт самоедов, вогулов и остяков.

С.63. Альфред Эдмунд Брэм (1829-1884), немецкий зоолог. Предпринимал путешествия в Африку, Норвегию и Лапландию, в Западную Сибирь, Северо-Западный Туркестан и др. Участвовал в организации зоопарков в Гамбурге и Берлине. Главный его труд – десяти томная «Иллюстрированная жизнь животных» (СПб., 1892-1896).

С.63. Отто Финш, немецкий зоолог и путешественник по Сибири (1876, вместе с А.Брэмом), южным океаническим островам (1879-1882), Новой Гвинее (1881).

С.78. Андрей Васильевич Ентальцев (1788-1845), подполковник, командир 27-й конно-артиллерийской роты. Участник Отечественной войны 1812 года, за отличие в сражении под Красным награжден орденом св. Владимира 4-й степени. Член Союза благоденствия Север-

ного общества. После восстания декабристов в России приговорен к двум годам каторжных работ. По отбытии срока в Читинском остроге водворен на поселение в Березово, куда прибыл в июне 1828 года. Оттуда переведен в Ялуторовск, где и умер.

С.78. Алексей Иванович Черкасов (1799-1855), барон, поручик квартирмейстерской части. Воспитывался в Московском университетском пансионе, а с 1816 года – в Московском учебном заведении для колонновожатых. Член Южного общества. За участие в восстании декабристов в России приговорен в каторжную работу на два года. По отбытии срока в Читинском остроге в апреле 1828 года обращен на поселение в Березово. В 1932 году переведен в Ялуторовск, а 28 июля 1837 года определен рядовым на Кавказ, где прослужил до января 1843 года.

С.78. Иван Федорович Фохт (1794- 1842), штабс-капитан Азовского пехотного полка. Член Южного общества. За участие в восстании декабристов в России приговорен к ссылке в Сибирь на вечное поселение, впоследствии срок сокращен до 20 лет. Из Петропавловской крепости отправлен в Березово в январе 1828 года По донесению полковника Маслова, не получая помощи от родственников, жил токарной работой и помогал местному врачу. В конце 1929 года переведен в Курган.

С.78. Осип-Юлиан Викентьевич Горский (1766-1848), отставной статский советник, случайный участник восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади в Петербурге. Высочайшим указом 5 марта 1827 года сослан под надзор полиции в Березово, переведен затем в Тару и Омск. Умер в Омске.

Составил В.К.Белобородов

Коротко об авторе

Валерий Константинович Белобородов – известный в Тюменской области краевед-исследователь.

По профессии – журналист. Он первый редактор и издатель культурно-исторического журнала «Югра», автор нескольких историко-публицистических статей о нашем крае.

Активно сотрудничает по издательской деятельности с Ханты-Мансийской окружной библиотекой, Государственным окружным музеем Природы и Человека. Живет в Ханты-Мансийске.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А.Альквист. Финский филолог и писатель, исследователь быта вогулов. Труды 1877 года.

Г.И.Артеев. Кочевье оленеводов северо-западной части Обдорского края. Уральский Север. Вып. 8, ч. 1. 1926.

В.В.Бартенев. На Крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края. СПб. 1896.

В.В.Бартенев. Понятия обдорских остяков о грехе. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 5, 1895-1896.

З.А.Барш. Обдорский возмутитель. Статья. Русская старина. 1881.

А.И.Березовский. Замор реки Оби. Доклад в Обществе изучения края. Тобольск, 1928.

М.Е.Бударин. Возрождение малых народов Севера. Сибирские огни, 1950, №2.

М.Е.Бударин. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омгиз, 1952.

П.Н.Буцинский. К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск до 1645. 1893.

Н.А.Варпаховский. Рыбный промысел в бассейне реки Оби. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 6, 1896.

Н.А.Варпаховский. Рыболовство в бассейне реки Оби. Т. 2. СПб, 1898-1902.

Н.А.Варпаховский. Рыбы бассейна реки Оби. СПб, 1907.

Г.Д.Вербов. Лесные ненцы. Советская этнография, 1936, №2.

Г.Д.Вербов. Тазовская Мангазея. 1941.

С.В.Востротин. Северный морской путь в Сибирь. Сибирские вопросы. Периодический сборник. СПб, 1905, №1.

П.Н.Владимирский. Аганские остяки. Омская область. Журнал. 1940, №8.

А.Говоров. Природа и народное хозяйство Остяко-Вогульского округа. Омская область. Журнал. 1940, №3.

В.Н.Герасимов. Обдорск. Исторический очерк. Тюмень, 1909.

Б.Н.Городков. Поездка в Салымский край. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 21, 1911.

Б.Н.Городков. Река Конда. Остяки и вогулы: их жилища, верования, обычаи и занятия. Землеведение. Журнал. Вып. 3-4, 1912.

Э.К.Гофман. Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой. Т.1-2. СПб, 1853-1856.

Г.М.Дмитриев-Садовников. С реки Ваха Сургутского уезда. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 19, 1911.

Г.М.Дмитриев-Садовников. На Вахе. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 26, 1915.

Г.М.Дмитриев-Садовников. Бересто и изделия из него у остяков реки Ваха. Живая старина. Вып.1, 1916.

Г.М.Дмитриев-Садовников. Река Надым. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 28-29, 1917-1918.

Г.М.Дмитриев-Садовников. Рыболовные осенние и зимние промыслы окрестностей Обдорска. Уральский Север. Вып. 8, ч.1, 1926.

А.А.Дунин-Горкавич. Север Тобольской губернии. Опыт описания страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности ее населения. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 13, 1897.

А.А.Дунин-Горкавич. Очерк народностей Тобольского Севера. Известия Русского Географического Общества. Т.11. Вып. 1-2, 1904.

А.А.Дунин-Горкавич. Необходимость открытия порто-франко в устьях рек Оби и Енисея. 1904.

А.А.Дунин-Горкавич. Тобольский Север. Т. 1-3. Тобольск, 1904-1911.

А.А.Дунин-Горкавич. К вопросу об улучшении водного пути между Тюменью и Тобольском и о проведении железной дороги между этими пунктами. 1906.

А.А.Дунин-Горкавич. Нужды Тобольского Севера и меры их удовлетворения. Труды Тобольского агрономического совещания. 1908.

А.А.Дунин-Горкавич. Доклад о состоянии сельского хозяйства на Тобольском Севере в 1912 году. 1913.

А.А.Дунин-Горкавич. Этнографический состав населения Тобольской губернии в 1907 году. Памятная книжка Тобольской губернии на 1909 год. 1909.

А.А.Дунин-Горкавич. Сведения о самоедах Тобольского Севера. 1918.

В. П. Евлахов. Пути развития хозяйства Обдорского края. Поездка в Полярный край. Уральское краеведение. Вып. 1. Свердловск, 1927.

Б. Н. Житков. Краткий отчет о путешествии на полуостров Ямал. Известия Русского Географического Общества. 1909.

Б. Н. Житков. Полуостров Ямал. Записки Русского Географического Общества. 1913.

А. А. Ивановский. Сургутские остяки. Русский Антропологический Журнал. Москва, 1905. №№3-4.

К. Карьялайнен. У остяков. Путевые записки. Сибирские вопросы. №№ 32-33, 37-39, 45-52. 1911.

А. Корилов. Сосьвинские и Ляпинские вогулы Березовского округа. Очерк. Сибирская торговая газета. Тюмень, 1898.

Ю. И. Кушелевский. Северный полюс и земля Ямала. 1852.

С. В. Лобачев. Экспедиция на реку Вах. Известия Русского Географического Общества. Т. 66. Вып. 1, 1934.

Л. Е. Луговский. О поездке на Север Тобольской губернии с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 7, 1898.

А. Н. Макаревский. Значение оленеводства на Севере Тобольской губернии. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 16, 1906.

А. И. Максимов. Русские инородцы. Русская мысль. Журнал. Москва, 1901.

А. Майков. Краткое описание о народе остячком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году. СПб, 1884.

Р. П. Митусова. Поездка в Обь-Тазовский водораздел. Этнографическая экспедиция 1924-1925 годов. Государственный Русский музей. 1926.

Р. П. Митусова. Аганские остяки. Антрополого-статистический очерк. Уральский Север. Вып. 8, ч. 1. Свердловск, 1926.

Н. А. Мосевич. Зимние заморные явления в реках Обь-Иртышского бассейна. Известия ВНИИОРХ. Т. 25. Вып. 1, 1947.

С. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. Академия наук. СПб, 1911.

И. С. Поляков. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби. Академия наук. Т. 30. СПб, 1877.

С. Н. Руденко. Инородцы Нижней Оби. Этнографический очерк. Труды Общества Землеведения. Т. 3. СПб, 1909-1914.

Н.Л. Скалозубов. От Тобольска до Обдорска. Из путевого журнала. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 16, 1906.

П.А. Словцев. Историческое обозрение Сибири. СПб, 1886.

П.И. Сосунов. Тобольский Север. Северная Азия. №№3-4, 1925.

А.И. Сулоцкий. Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукая в ссылке в Березове и в монашестве в Томске. Русский вестник. №7, 1880. Сургутский уездный комитет Попечительства о народной трезвости. Отчет. 1904-1909 годы.

В.Н. Тарасов. О поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 году. Ежегодник Тобольского губернского музея. Вып. 24, 1914.

Тобольский архив. О самоедах, производящих грабежи в Обдорском отделении. 1856.

Тобольский музей. Протокол заседания Распорядительного Комитета музея с участием рыбопромышленников 31 октября 1901 года.

Декабристы в Тобольском крае. Издание комиссии Тобольского окрисполкома к 100-летию восстания декабристов. 1925.

Записка. О преимуществах соединения Тобольска и Тюмени железной дорогой перед шлюзованием реки Туры. Приложение к газете «Сибирский листок». №39, 1910.

Н.К. Хондажевский. Статья и карта с указанием пройденного пути в зиму 1879 года. Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества. Кн. 2, 1880.

<u>От издателя</u>	
<u>Наследие именитых сургутян</u>	3
<u>Г.А.Пирожников</u>	
<u>«Записки уездного исправника»</u>	5
<u>Вступление</u>	
<u>По страницам архива Пирожникова</u>	7
<u>Глава первая</u>	
<u>Кто живет в Югре</u>	13
<u>Глава вторая</u>	
<u>Насущный хлеб сибиряков</u>	29
<u>Глава третья</u>	
<u>Надежды Севера</u>	49
<u>Глава четвертая</u>	
<u>По городам и весям</u>	69
<u>Заключение</u>	
<u>Повод для размышления</u>	83
<u>Примечания</u>	
<u>О некоторых личностях, фактах и понятиях</u>	85
<u>Приложение</u>	
<u>Перечень используемой литературы</u>	99
<u>Содержание</u>	103

Серия: XX век. События и личности

Историко-краеведческое издание

Пирожников Григорий Александрович

ЗАПИСКИ УЕЗДНОГО ИСПРАВНИКА

Северо-Сибирское региональное книжное издательство

Лицензия ЛР № 010286 от 10 августа 1998 года.

Редактор-составитель **Ф.Я.Показаньев**

Редактор Л.В.Цареградская

Художественный редактор А.Ю.Цареградский

Технический редактор А.Ю.Цареградский

Корректоры Л.В.Добрынина, З.М.Долгушева, Л.В.Куйвашева

Оригинал-макет выполнен в компьютерном центре
Северо-Сибирского регионального книжного издательства.

Почтовый адрес:

628400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Маяковского, 12а.

Отпечатано в рекламно-издательском центре
«Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз»

Лицензия ИД № 04570 от 20.01.2000

Техническое редактирование и корректура
Корректор С.М.Анфимова

Сдано в набор 22.05.2002 г. Подписано в печать 22.05.2002 г.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,5. Тираж 1000 экз.

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Сургут**

Почтовый адрес:

628400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Магистральная, 19а.

**Судьба Г.А.Пирожникова,
уездного исправника,
поверенного царя
в Тобольской губернии,
непрерывно связана
с историей развития
российской глубинки
в начале XX столетия.
Известный в Тюменской
области краевед и публицист
Ф.Я.Показаньев в конце
XX века, используя архив
талантливого земляка,
попытался раскрыть
белые пятна в истории
Западной Сибири.**

